

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ им. А. А. ХАРКЕВИЧА

СЛОВО И ЯЗЫК

*Сборник статей
к восьмидесятилетию
академика Ю. Д. Апресяна*

Ответственные редакторы
И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 811.161.1
ББК 81.031
С 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 10-06-07170

Отв. редакторы:
И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

С 48 Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна.
М.: Языки славянских культур, 2011. — 736 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0478-2

В сборнике представлены научные статьи, посвященные восьмидесятилетию академика Юрия Дерениковича Апресяна, одного из самых выдающихся лингвистов нашей страны. Среди авторов статей как всемирно известные ученые, так и более молодые ученики Ю. Д. Апресяна и его коллеги из России, Белоруссии, Австралии, Австрии, Германии, Италии, Канады, Польши, США, Финляндии и Чехии. В книге 7 разделов, тематика которых отражает широту научных интересов юбиляра: Семантика и прагматика языковых единиц, Лексикография, Синтаксис и семантика синтаксиса, Прикладная лингвистика и проблемы перевода, Типология, Лингвистика и поэтика, Философия языка. В предисловии, написанном И. А. Мельчуком, ближайшим коллегой и другом Ю. Д. Апресяна, кратко излагаются важнейшие научные результаты юбиляра в теоретическом языкознании, лексикографии и прикладной лингвистике.

81.031

ISBN 978-5-9551-0478-2

© Авторы, 2011
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2011

ПОЧЕМУ ПОЛИСЕМИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЯЗЫКОВОЙ УНИВЕРСАЛИЕЙ?

(КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА И ЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ)

В статье рассмотрены типы значений конкретной лексики. Даны подробные описания основного лексического значения и трех типов производных значений: метафорического, метонимического и синекдохического. Показано, что основное и производное значение слова имеют принципиально различную природу. Основное значение — это универсальное целостное понятие (базовый концепт), задаваемое словом и постоянно хранящееся в памяти человека, а производное значение — это этноспецифическое двукомпонентное понятие, задаваемое фразой (словом и фразовым контекстом), которое в большинстве случаев не хранится в памяти, а порождается по мере надобности. Показано также, что совокупность лексических значений слова задает локальную концептуально-смысловую таксономическую сеть, в центре которой располагается класс (категория) референтов основного значения, а вокруг нее — семантически связанные с ней классы референтов производных значений. Дан сопоставительный анализ этой сети и теории лексических сетей (Дж. Лакофф и др.). В заключительном разделе приведены свидетельства в пользу гипотезы о том, что лексическая многозначность, будучи языковой универсалией, является продуктом когнитивного развития человека, а именно, его дискретного и системного представления мира.

1. Концепция В. В. Виноградова. Для изучения полисемии мы будем анализировать конкретную лексику¹, поскольку ее первичные, или «основные» значения задают классификацию явлений реального мира и потому механизмы образования вторичных, или «производных» значений проявляются здесь с наибольшей наглядностью.

Согласно концепции В. В. Виноградова [Виноградов 1977], во множестве значений знаменательного слова выделяется «основное» значение — оно, как прави-

¹ «Конкретная лексика — это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указывание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), замещающее операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок)» [Языковая номинация, 1977: 360].

ло, одно (его Виноградов также называет свободным, прямым значением). А все остальные значения слова — «производные» от основного (несвободные, фразеологически связанные, переносные):

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности... и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений. ⟨...⟩ по отношению к основному номинативному значению все другие значения... в слове являются производными ⟨...⟩ В системе языка номинативно-производное значение слова... не может быть оторвано от основного свободного (с. 171).

Например, «глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения ‘заготовить солением, положить много соли во что-нибудь’, еще имеет в современном языке переносное значение ‘повредить, причинить неприятность’»; глагол *лопнуть* имеет основное значение ‘треснув, разломаться или разорваться’ (*лопнул мяч, канат*) и производные: ‘лопнуло терпение’, ‘лопнуть со смеху’ и др. (с. 163, 180—181).

В чем же «качественное» различие между основным (свободным) и производными (фразеологически связанными) значениями? По мысли Виноградова, в том, что основные значения слов выражают «общечеловеческое, понятийное, логическое содержание». Иначе говоря, они суть «общечеловеческие» понятия. В производных значениях эти общие понятия хотя и остаются, но «размываются», поскольку «обрастают со всех сторон... смысловыми оттенками», отражающими этно- и лингвоспецифические осмысления этих понятий, возникшие в ходе исторического развития данного этноса и эволюции его языка, ср.:

Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова ⟨...⟩ Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении (с. 176).

Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом... не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа (с. 189).

Концепция Виноградова родилась не на пустом месте. По-видимому, впервые в истории отечественной лингвистики подобная точка зрения была высказана А. С. Шишковым [Шишков 1803/2010] ровно за 150 лет до публикации цитированной статьи Виноградова. С середины 1930-х годов сходная систематика значений слова разрабатывалась Р. Якобсоном [Jakobson 1936: 244, 252—253] и Е. Куриловичем [Kurýłowicz 1935: 497]. Р. Якобсон ввел оппозицию между основ-

ным, или общим значением и частными значениями, реализующимися в различных употреблениях общего значения (этого противопоставления у Виноградова нет). Среди же частных значений Якобсон выделил оппозицию «главное значение» — «остальные частные значения», которая близка к оппозиции Виноградова. Сходное противопоставление значений слова вводит и Е. Курилович: «По нашему мнению, самое важное — г л а в н о е — значение то, которое не определяется контекстом, в то время как о с т а л ь н ы е (ч а с т н ы е) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста. Обогащая этот контекст, мы получаем дальнейшие частные оттенки частных значений» [Курилович 1955: 78].

Из более поздних следует коснуться прежде всего лексикографической концепции Д. Н. Шмелева [Шмелев 1977: 83 и сл., 111 и сл.; ЛЭС 1990: 382]. Большое место в ней отводится анализу семантики основного и производных (переносных) значений слова. Д. Н. Шмелев разделяет «в общих чертах» приведенное выше определение Куриловича [Шмелев 1977: 113]. Так, он подчеркивает, что глаголы движения *идти*, *бежать*, *ползти* «в основных значениях достаточно определенно противопоставлены друг другу по способу передвижения», а «в переносных, вторичных... значениях они уже не вступают в столь же отчетливые ряды смысловых противопоставлений с теми словами», которые они замещают как «экспрессивные синонимы» (с. 114). С указанным эффектом связан вводимый Шмелевым «принцип диффузности значений многозначного слова... определяющий его семантику» (с. 86).

Подытоживая сказанное, можно заключить, что согласно Виноградову, а также Куриловичу и Шмелеву производные значения дополняют (расширяют) основное понятие-значение слова, делая его тем самым менее четким, диффузным.

2. Дихотомия «основные vs производные значения». Изложенная концепция сыграла важную роль как в теоретическом отношении, так и в сфере лексикографической практики. Но в настоящее время эта концепция представлена главным образом в учебной литературе, современные семантические теории ей не следуют (см. аналитический обзор в [Кошелев 2008]). Мы, тем не менее, считаем дихотомию «основное vs производные значения слова» основополагающей в лексической семантике. Наряду с лингвистической ценностью она обладает еще и когнитивной значимостью, поскольку позволяет установить естественную связь между концептуальными понятиями и языковыми значениями. Однако для уяснения фундаментальной роли данной дихотомии в устройстве языковой семантики необходимо понять сущность основного и производного значения².

Коснемся сначала традиционной точки зрения. Принято различать три вида производных (переносных) значений: метафорическое, метонимическое и синекдохическое. Их описания не связаны друг с другом и не могут служить основой для формулировки общего определения производного значения, ср.:

² Ср. положение А. А. Реформатского: «Первый вопрос полисемии: что такое прямое и что такое переносное значение?» [Реформатский 1996: 45].

Метафора. Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление на основании их сходства (по форме, внешнему виду, положению и т. д.) (...) **Метонимия.** Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление по смежности. **Синекдоха.** Наименование целого заменено наименованием отдельной его части, или наоборот [Шмелев 1977: 94—101; курсив Шмелева. — А. К.], см. также [Реформатский 1996: 45—48].

Мы будем искать единое определение этих значений как понятий, характеризующих классы референтов слова в производном значении (далее мы будем называть их референтами производного значения, или коротко производными референтами, в отличие от референтов основного значения, или основных референтов). Начнем с основного значения.

Основные значения конкретной лексики — это **целостные** понятия, задающие исходную классификацию (категоризацию) объектов реального мира. В этом плане основное значение слова представляет собой общую и комплексную характеристику объектов реального мира: как их внешнего вида, так и их сущностных качеств.

Множество объектов, свойства которых соответствуют такой общей характеристике, образуют класс (категорию) референтов слова. Иначе говоря, слово, употребленное в основном значении, называет объект реального мира — свой референт — через посредство основного значения. Например, основное значение слова *медведь* (условимся обозначать его заглавными буквами — МЕДВЕДЬ) задает категорию объектов-референтов «Медведи», основное значение слова *человек* (ЧЕЛОВЕК) — категорию «Люди» и т. д. Короче говоря, слово в основном значении описывается известной схемой семантического треугольника (см. к этому [Лайонз 1978: 427]). К примеру, для слова *медведь* эта схема имеет вид:

Имя (*медведь*) — Основное значение (МЕДВЕДЬ) — Референты (категория «Медведи» — класс конкретных медведей).

Слово *человек* имеет другое основное значение — ЧЕЛОВЕК, задающее другую категорию объектов-референтов. Поскольку значения МЕДВЕДЬ и ЧЕЛОВЕК различны, категории «Медведи» и «Люди» не имеют общих элементов³.

Это, в частности, означает, что фраза *Это — человек*, именующая человека, будет корректной, а фраза *Это — *медведь*, отнесенная к тому же человеку, будет некорректной, поскольку внешний облик и качества человека не соответствуют значению МЕДВЕДЬ. Понятно, что корректность первой и некорректность второй фразы обусловлена исключительно именуемым объектом (его общей характеристикой: соответствует она основному значению или нет) и никак не связана ни с контекстом, в котором употреблено слово, ни с ситуацией, в которой находится его объект-референт.

³ Этот тезис справедлив для основных значений конкретной лексики, описывающей объекты и действия реального мира и задающей своими значениями категоризацию мира.

Производное значение противоположно основному значению буквально по всем характеристикам. Во-первых, это не целостное, а **двусоставное** понятие. Причем, его главной составляющей является **основное значение** некоторого **другого слова**, а референтами, соответственно, **референты этого (другого) слова**. Во-вторых, эта главная составляющая задается **контекстом фразы**, в которой употреблено слово в производном значении. Вторая составляющая производного значения представляет собой некоторый **отдельный компонент основного значения слова**. В итоге, получаем следующее определение:

- (1) Производное значение слова в данной фразе = **основное значение** некоторого **другого слова** (задается контекстом фразы) & некоторый **компонент основного значения слова**.

Рассмотрим для примера фразу *Собакевич был настоящий медведь*, в которой слово *медведь* имеет производное (метафорическое) значение. Референтом этой фразы является не медведь, а **человек** — это следует из контекста (из имени Собакевич). Кроме того, этот человек обладает некоторым типичным свойством медведей (компонент основного значения МЕДВЕДЬ слова *медведь*), а именно: ‘неуклюжестью’, которая, согласно отечественным представлениям о медведях, типична для них. В итоге получаем:

- (2) Производное значение слова *медведь* во фразе *Собакевич был настоящий медведь* = основное значение ЧЕЛОВЕК слова *человек* (задается контекстом фразы), **которое включает** компонент ‘неуклюжесть’ основного значения МЕДВЕДЬ слова *медведь*.

Итак, в отличие от основного, **производное значение является контекстно зависимым**, т. е. задается **всей фразой**. Фразовый контекст слова указывает, к какой именно категории принадлежит объект-референт фразы (он заведомо не относится к числу **основных референтов** слова, задаваемых его основным значением), а само слово привносит в производное значение лишь какой-то отдельный компонент своего основного значения (он определяется взаимодействием контекста фразы и основного значения слова). Если мы удалим из фразы контекстную составляющую, которая задает «другую» категорию объекта-референта, то слово *медведь* примет основное значение, ср. фразу *Это был медведь*.

Рассмотрим теперь кратко все три типа производных значений: метафорические, метонимические и синекдохические. Согласно данному определению, первая составляющая — ‘**основное значение** некоторого **другого слова**’ (оно задается контекстом фразы) — у них общая. Что касается второй составляющей — **компонента основного значения слова**, приписываемого первой составляющей, то она специфична для каждого типа значения.

Метафора. Вернемся к фразе *Собакевич был настоящий медведь*. Условимся далее в целях упрощения записи относить производное значение к слову (как это и принято делать), задавая при этом явно и конкретную фразу, в которой это слово употреблено. При этих условиях значение (2) можно представить так:

(2а) Метафорическое значение слова

медведь = ‘человек, который обладает медвежьей неуклюжестью’.

Множество производных референтов этого значения является подкласс категории «Люди», элементы которого обладают свойством ‘неуклюжесть’, см. рис. 1.

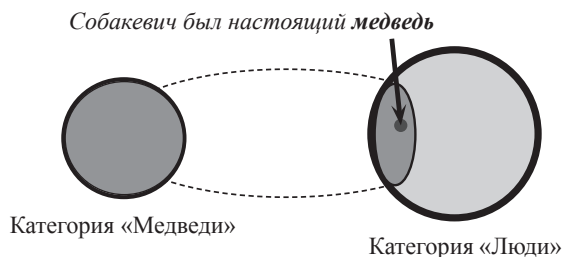

Рис. 1. Множество (подкласс) метафорических референтов значения (2а) в категории «Люди». Пунктирные линии символически обозначают типичное свойство медведей ‘неуклюжесть’, посредством которого слово *медведь* называет свои референты (людей)

Поясним на этом простом примере основную роль производных значений. Они представляют собой особый, принципиально отличный от рассмотренного выше, механизм именования понятий, более детальных, чем основные значения.

К примеру, в сознании говорящего сформировалось новое понятие — ‘неуклюжий человек’, посредством которого он хочет охарактеризовать какого-то человека. Предположим также, что в языке нет слова *неуклюжий*, или говорящий его не знает. Как ему назвать это понятие, чтобы сделать его эксплицитным и доступным для окружающих? Механизм формирования производных, в данном случае, метафорических значений предоставляет такую возможность. Сначала нужно найти основное значение, которое содержит в качестве типичного компонента свойство ‘неуклюжесть’. Это значение МЕДВЕДЬ. А затем нужно составить фразу со словом *медведь* так, чтобы ее контекст или сама референтная ситуация а) указывали на данного человека и б) сообщали, о каком его свойстве идет речь, чтобы реципиент понимал, какое именно типичное свойство значения МЕДВЕДЬ называет слово *медведь*. Скажем, в ситуации, когда Иван наступил Анне на ногу, она вполне может сказать: *Какой же ты медведь, Иван!*

Обратимся теперь к двум другим типам производных значений — метонимическому и синекдохическому. Их референтами также являются подклассы элементов в других категориях. Но выделяются эти подклассы посредством других характеристик основного значения слова.

Метонимия. В метонимическом значении первый компонент прежний — контекст фразы задает некоторое другое основное значение. Второй компонент, выражающий характеристику основного значения, представляет собой отношение **интегральной целостности**: контекстно заданное значение должно образовывать с основным значением слова новое интегральное понятие.

В примере А. А. Реформатского *Я три тарелки съел* слово *тарелка* употреблено в метонимическом значении и называет порцию еды (категория «Еда» задана словом *съел*), но не любую, а такую, которая наполняла тарелку. Тем самым между этой порцией еды и тарелкой устанавливается отношение интегральной целостности. В результате получаем:

- (3) Производное (метонимическое) значение слова
тарелка = еда, которая заполняет тарелку и составляет с ней интегральное целое.

Контрпример: вполне корректно сказать *Я съел тарелку колбасы*, если речь идет о заполнявших тарелку нарезанных кусочках колбасы. Но эта фраза утратит корректность, если был съеден целый кусок колбасы того же веса, лежавший на тарелке.

Итак, производное значение (3) представляет собой более частный вариант заданного контекстом значения ЕДА, обладающий способностью объединяться со значением ТАРЕЛКА в новое интегральное понятие: 'еда, которая заполняет тарелку'. Оно задает множество метонимических референтов данного значения — **подкласс** порций еды (в категории «Еда»), способных заполнять тарелку, см. рис. 2.

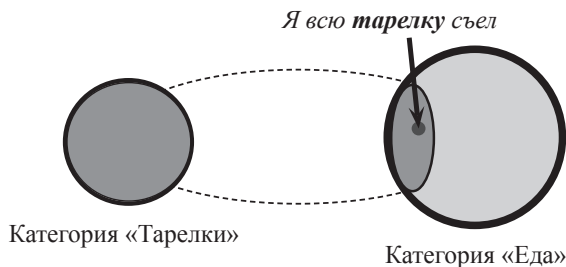

Рис. 2. Множество (подкласс) метонимических референтов значения (3) в категории «Еда». Пунктирные линии символически обозначают свойство порций еды интегрироваться с тарелкой (заполнять ее). Посредством этого свойства слово *тарелка* называет свои референты (порции еды)

Значение (3) естественно обобщается: можно не только *съесть тарелку*, но и *налить тарелку*, *высыпать тарелку* и т. д. Поэтому, в общем случае получаем:

тарелка = вещество, которое заполняет тарелку и составляет с ней интегральное целое.

Синекдоха. В синекдохическом значении первый компонент тот же — контекст фразы, задающий некоторое другое основное значение. Второй же компонент, выражающий характеристику основного значения, представляет собой уже иное отношение — «часть — целое», которое устанавливается между основным и контекстно заданным значением: последнее **включает основное значение в качестве своей характерной части**.

В примере Н. Д. Арутюновой *Шляпа оторвалась от чтения газеты* слово *шляпа* употреблено в синекдохическом значении и называет человека (это следу-

ет из контекста) в шляпе, причем такого, для которого шляпа является характерной частью. В данном случае она выступает в идентифицирующей функции⁴. Между ней и человеком устанавливается отношение: «шляпа является идентифицирующей частью человека (целого)». Таким образом, получаем:

- (4) Производное (синекдохическое) значение слова
шляпа = человек в шляпе, которая является идентифицирующей его частью.

Контрпример: шляпа, висящая на вешалке, не является характерной частью вешалки и не способна выступать в идентифицирующей ее функции. Поэтому фраза **Шляпа стояла неподвижно*, употребленная применительно к вешалке, некорректна.

Итак, референтом производного значения становится не любой человек из контекстной категории «Люди», а только человек в шляпе. Это множество референтов синекдохического значения также является подклассом категории «Люди», см. рис. 3.

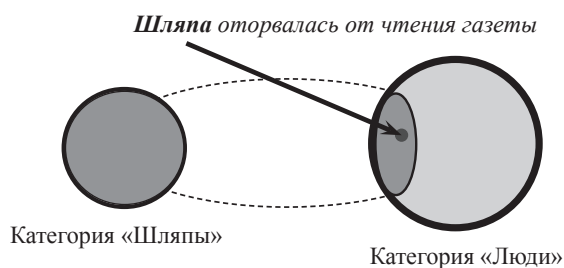

Рис. 3. Множество (подкласс) синекдохических референтов значения (4) в категории «Люди». Пунктирные линии символически обозначают следующую характеристику: для каждого из этих людей шляпа является идентифицирующей его частью. Посредством данной характеристики слово *шляпа* называет свои референты (людей)

Во всех трех случаях производное значение слова обусловлено контекстом, поэтому его естественно называть **смыслом** слова.

Как мы видим, производное значение представляет собой более дробное (чем основное значение) понятие вида (1): «**контекстно заданное основное значение другого слова & компонент основного значения данного слова**». В определенном плане это значение можно считать «промежуточным», поскольку оно соединяет свойства двух никак не связанных между собой основных значений, а его референты — подкласс объектов в контекстно заданной категории — своеобразным смысловым мостиком, соединяющим эти категории.

3. Содержание основного значения. Обратимся к вопросу о природе основных значений. По существу, ответ на него находим уже у Виноградова: «Обозначающая явление, предмет, слово (его основное значение. — А. К.)... отражает понимание „кусочка действительности“ и его отношений к другим элементам той же действительности». Проявляется это понимание «кусочка действительности» прежде

⁴ См. [Арутюнова 1979: 150 и сл.].

всего в том, что концепт (основное значение) задает категорию, т. е. класс сходных кусочков действительности.

Иными словами, основными значениями слов являются базовые концепты — когнитивные единицы, внеположные языку, задающие универсальную (присущую всем людям) классификацию мира. Понятие **базовый концепт** — одно из центральных в когнитивной психологии. В рамках направления исследований, связанного с именами Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др., было сделано важное открытие, касающееся формирования у детей **первичных категорий** («Яблоки», «Люди», «Петухи», «Стулья»). На разнотипных примерах было показано (см. [Лакофф 2004: 52—85]), что родовые категории формируются у ребенка первыми и являются для него исходно понятными. Кроме того, «дети усваивают имена вещей на этом уровне раньше всего» (с. 55—56). Когнитивные единицы, задающие родовые категории, стали называть базовыми, или концептами базового уровня.

Опираясь на работы своих предшественников, Лакофф определяет концепт как «воплощенное (телесное) знание, непосредственно основанное на чувственном опыте человека, и прежде всего на его гештальтном восприятии и телесной моторике» (с. 12—13, 58—79). Это «знание» задает категорию как совокупность объектов, а) которые имеют сходный облик (общую форму) и б) при взаимодействии с которыми люди используют сходные действия.

Согласно другой традиции когнитивных исследований в основе базовых концептов человека (ребенка) лежит двухкомпонентная структура «форма — функция» [Mervis 1987; Rakison 2000].

В нашей трактовке понятия концепта эти традиции объединены и расширены. Во-первых, общей формой концепта, задающего категорию явлений действительности, мы называем всю (типизированную) совокупность **доступных восприятию** данных об этих явлениях. Скажем, общая форма живого существа — это не только его внешний вид и структурированная совокупность частей, но и совокупность его наблюдаемых форм поведения. Наряду с общей **формой** концепт аккумулирует еще и единое **содержание**, присущее всем членам категории, — совокупность интенциональных знаний о ее членах, не содержащихся в их форме. Содержание, как мы покажем далее, является главным компонентом концепта. Его можно мыслить как предельное расширение понятия функции членов категории — как потенциал связанных с ними, точнее с их формой, человеческих **интенций**.

К примеру, формой концепта ЧЕЛОВЕК является структура и внешний вид тела человека и его типичные формы действий, а содержанием — то, что это живое существо, животное со специфическими видовыми характеристиками: способностью к овладению и использованию языка, к развитому мышлению, к созданию орудий труда и пр., а также совокупностью знаний, объясняющих его поведение.

Кроме того, мы расширяем понятие концепта, распространяя его на «естественные» (имеющие общую кинематическую форму и общее содержание) движения и действия.

Примеры (описание формы и содержания в них предельно лаконично).

Слово *петух* задает категорию «Петухи» двумя неразрывными составляющими: i) содержанием и ii) формой:

- (5) *Петух* (основное значение, или концепт ПЕТУХ) =
 i) Живое существо, самец курицы (содержание);
 ii) имеет следующий внешний вид (общая форма)

Глагол *бежать* во фразе *Человек бежит* имеет концептуальное значение, которое задает категорию соответствующих движений человека, или категорию «Человек бежит»:

- (6) *Человек бежит* (основное значение, или концепт ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ) =
 i) Человек для достижения своей цели — «переместиться в некоторый пункт Р» — выбирает торопливую манеру перемещения (содержание);
 ii) движется в направлении Р посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (общая кинематическая форма⁵).

Среди важнейших свойств концептов отметим следующие два свойства. Во-первых, концепты и задаваемые ими категории имеют **вневербальный** и **обще-человеческий статус**: они формируются и существуют в мире и памяти человека (ребенка) независимо от его языка и этнической принадлежности.

Согласно недавним данным, усвоение родного языка не влияет содержательно на этот процесс, но влияет на скорость его протекания, ср.:

В возрасте 12—13 месяцев младенцы обладают восприимчивостью к изначальной широкой связи между усвоением слов и концептуальным развитием. (...) Результаты показывают, что примерно к 12-месячному возрасту процесс именованного поддерживается формирование объектных категорий. Младенцы, услышав новые слова... в процессе ознакомления, успешно формировали объектные категории... В контрольной ситуации «No Word» (отсутствие слова) младенцам это не удалось. (...) Мы интерпрети-

⁵ Кинематические формы для бега (6) и ходьбы (7) получены покадровой фиксацией точечных анимаций этих движений, представленных на веб-сайте (<http://www.biomotionlab.ca/index.php>) кингстонской лаборатории биодвижения.

ровали эти данные как доказательство того, что слова служат *побудительными стимулами* к образованию категорий, и предположили, что этот простейший стимул имеет далеко идущие последствия. (...) Наконец, в своей зачаточной форме связь между именовани­ем и категоризацией может присутствовать уже примерно в 6-месячном возрасте... [Waxman 2008: 99—101; курсив Ваксман].

Более того, в статье С. Ваксман с соавторами ([Ferry et al. 2010]) наличие «связи между именовани­ем и категоризацией» выявлено даже у 3—4-месячных младенцев.

Обнаруженную связь некоторые исследователи (С. Ваксман, Ф. Ксу [Xu 2007]) стали трактовать как свидетельство доминирующего влияния речевого развития младенца на его когнитивное развитие.

Однако имеются данные, свидетельствующие о самостоятельном статусе когнитивного развития. Так, С. Пинкер, не соглашаясь с такой доминирующей ролью имен, ссылается на эксперименты, проведенные с обезьянами (макаки резус) [Hauser 2000; Santos et al. 2002]. В них было установлено, что у 12-месячных детенышей обезьян формируются категориальные классы, «как у вас или у меня... хотя обезьяны, конечно, не знали ни слова по-английски» [Pinker 2007: 137]. И С. Ваксман в упомянутой выше работе [Ferry et al. 2010: 473] приняла эту аргументацию, согласившись с положением о содержательно независимом от усвоения имен формировании у ребенка базовых концептов.

Известно также, что дети **осваивают и именуют** объекты этих категорий раньше других объектов [Rosch et al. 1976: 72]. Ср. также мнение С. Н. Цейтлин: «Очевидно, ребенок первым усваивает то из значений многозначного слова, которое актуально в его предметно-практической деятельности» [Цейтлин 2000: 199]. Понятно, что в данном случае актуализируется прежде всего концептуальное значение. Тем самым, разумно предполагать, что концепты становятся первыми лексическими значениями детских слов и фраз, а категории предметов, действий и качеств, определяемые этими концептами, становятся референтами этих слов и фраз.

З а м е ч а н и е. Среди работ, подтверждающих эту точку зрения, следует прежде всего упомянуть серию исследований, посвященных анализу тенденции, развивающейся у ребенка к 18 месяцам, которую с 1988 г. стали называть «предпочтением формы» (shape bias). «Когда дети усваивают имена новых объектов, они стремятся распространять эти имена на другие объекты такой же формы; этот феномен получил название *предпочтение формы*» [Markson, Diesendruck, Bloom 2008: 204].

Анализ этой тенденции (см., напр., [Pereira, Smith 2009]) позволяет утверждать, что примерно с 18-месячного возраста главным ориентиром для ребенка при назывании объектов служит их внешний вид, и прежде всего их пространственная форма.

О внеязыковом статусе основных значений пишет и А. А. Реформатский, об­суждая природу прямых (основных) и переносных (производных) значений:

Переносное значение любого типа объяснимо (мотивировано) через прямое, но прямое значение непрямых слов данного языка, где это слово существует, необъяснимо. В самом деле, почему — *нос* лодки так называется? Потому что эта часть лодки, находящаяся спереди и имеющая острую форму выделяющегося предмета,

похожа на ту часть лица человека или морды животного, которая также находится впереди и имеет соответствующую форму.

А почему нос человека или животного так называется, исходя из данного языка объяснить нельзя. Непроизводные слова прямого значения в том или ином языке даны, но необъяснимы; просто вот «это» по-русски надо называть *рот*, по-английски *the mouth*, по-французски *la bouche*, по-немецки *der Mund*, по-киргизски *ооз*, по-мордовски (мокша) *курга* и т. д. А «почему это так называется» — данный язык в его современном состоянии ответа не дает [Реформатский 1996: 45—46].

Как мы могли убедиться, базовые концепты объектов или действий по существу представляет собой обобщенные объекты или обобщенные действия (см. описания (5) и (6)). Стало быть, таковыми являются и основные значения конкретной лексики. Поэтому, когда мы говорим, к примеру, что два основных объектных значения образуют интегральное целое (метонимия), то имеется в виду, что это новое целое образуют два обобщенных объекта, имеющих вполне определенную общую Форму (ТАРЕЛКА и заполняющая ее ЕДА), а в случае, если речь идет о том, что одно основное значение является частью другого (синекдоха), то имеется в виду, что один обобщенный объект (ШЛЯПА) является частью другого обобщенного объекта (ЧЕЛОВЕКА).

Подчеркнем: референтами слова в основном значении являются реальные предметы и действия, внеположные языку, т. е. явления, имеющие самостоятельный, внеязыковой статус существования.

4. Содержание производного значения. Разберем сначала более подробно отдельные типы производных значений.

4.1. Метафора. Покажем, что данное в п. 2 определение метафорического значения слова *медведь* во фразе *Собакевич был настоящий медведь*:

(2а) *медведь* = ‘человек, который обладает медвежьей неуклюжестью’

справедливо (имеет ту же структуру) и для глагольных значений. Рассмотрим глагол *идти*, точнее, фразу *Человек идет*. Ее основное значение в первом приближении можно определить так:

- (7) *Человек идет* (основное значение, или концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) ≈
- i) Человек для достижения своей цели — «попасть в некоторый пункт Р» — выбирает неторопливую манеру перемещения⁶ (содержание);
 - ii) движется в направлении Р посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (кинематическая форма)

⁶ Этот компонент вполне допускает фразы типа *Мы спешим, надо идти быстро*, поскольку в рамках задаваемой им неторопливой манеры передвижения возможны градации скорости — от медленной до быстрой. Аналогичный компонент концептуального значения (6) фразы *Человек бежит* указывает на торопливую манеру передвижения, которая также предполагает и медленный, и быстрый бег. Подчеркнем: описания концептуальных значений — это не лингвистические толкования, а характеристики когнитивного представления («телесного воплощения») концептов.

Подчеркнем: производные, в частности, метафорические значения глагола *идти* образуются не путем **расширения** («обрастания») этого концептуально-го (основного) значения, как принято считать, а, напротив, путем **извлечения** из него какого-то типичного свойства, например, свойства ‘двигаться поступательно и плавно’, и приписывания его движению из другой, контекстно поддержанной категории (*Поезд идет*).

Пример 1. Рассмотрим фразу *Лошадь шла ровной рысью*. В ней глагол *идти* употреблен в метафорическом значении:

- (8) *идет* (во фразе *Лошадь идет рысью*) = Лошадь бежит, обладая свойством ‘двигаться поступательно и плавно’, сходным с типичным свойством ходьбы: ‘небыстрое, плавное и поступательное перемещение’⁷.

Это значение выделяет в категории «Лошадь бежит» (заданной контекстно — словом *рысью*) подкласс движений — референтов метафорического значения (8), которые сходны по указанному свойству с человеческой ходьбой. Согласно Виноградову, производное значение должно содержать также основное значение (концепт (7)), которое и «обросло» контекстным свойством («смысловым оттенком»). Но в таком случае фраза *Лошадь шла ровной рысью* была бы некорректной, поскольку лошадь не может одновременно «идти» и «бежать рысью». Следовательно, в производном значении слова не содержится его концептуального значения.

Аналогичное производное значение возникает во фразах *Теплоход идет*, *Туча идет*, *Поезд идет*, *Лошадь идет ко дну* и др. Как мы видим, и здесь глагол *идти* выделяет подклассы референтов в **других, контекстно заданных** категориях движения⁸. Подчеркнем: это значение не содержит характеристики скорости движе-

⁷ В поддержку предлагаемого толкования приведем полный текст этой и следующей фразы из рассказа А. Куприна «Изумруд». Они описывают бег рысак по кличке Изумруд: «Он шел ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, с вытянутой вперед и слегка привороченной к левой оглобле шеей, с прямо поднятой мордой. Благодаря редкому, хотя необыкновенно длинному шагу его бег издали не производил впечатления быстроты; казалось, что рысак меряет не торопясь дорогу прямыми, как циркуль, передними ногами, чуть притрогиваясь концами копыт к земле».

⁸ Можно спросить: а как учитываются лексические ограничения? К примеру, употребление *Поезд / Машина идет* допустимы, а **Мотоцикл / *Велосипед идет* — нет. По нашему мнению, такие ограничения невозможно учесть локально, поскольку они — проявление русского языкового мышления («сцепления понятий»), по выражению А. С. Шишкова, см. п. 11) и его тенденции сближать те, а не иные категории. Почему-то по-русски нельзя сказать *идет* в смысле ‘провожает’ или ‘выгуливает’, а по-английски — это норма (см. п. 7). Так и здесь: движения объектов, не способных двигаться самостоятельно, в русском языке не сближаются с ходьбой человека.

ния X-а типа «с нормальной скоростью», фиксируя лишь факт его поступательно-го движения; так, фраза *Поезд идет* может относиться как к медленно, так и к быстро движущемуся поезду.

Поскольку контексты в приведенных примерах задают однотипное движение («физическое перемещение объекта»), содержание значения (8) можно представить обобщенно⁹.

Пример 2. Рассмотрим фразу *Иван побежал к начальнику*, сказанную о человеке, который не побежал, а быстро пошел к начальнику. В ней глагол *побежал* отнесен к **ситуационно** заданному референту глагола *пошел* и имеет метафорическое значение:

Иван побежал ≈ Иван пошел, начав двигаться ‘поступательно, ритмично и торопливо’, подобно тому как начинает движение бегущий человек.

В этом значении глагол *бежать* придает ходьбе Ивана типичное свойство бега ‘выраженная ритмичность (не плавность) и торопливость’, не характерное для человеческой ходьбы. Как и в предыдущем примере 1, это значение не содержит (целиком) концептуального значения (6) глагола *бежать*, иначе мы восприняли бы фразу *Иван побежал к начальнику* как некорректную номинацию, поскольку о быстро идущем человеке нельзя сказать, что он бежит (в основном значении глагола).

Завершим анализ рассмотрением еще нескольких примеров. Во фразе *Это не молоко, а вода* слово *вода* употреблено в метафорическом значении. Оно называет молоко — объект другой категории, заданный контекстом, и приписывает ему типичное свойство воды — ‘отсутствие специфического вкуса’. Во фразе *Иван идет на месте* глагол *идет* употреблен в метафорическом значении. Он называет человека, который не перемещается, но делает движения руками и ногами, типичные для идущего человека. Заметим, что с изменением значения меняется и система валентностей глагола: у него уже нет валентностей пути, источника и цели движения (см. [Апресян 1974/1995: 108; Talmy 1985: 57—66]).

Аналогично объясняется и функциональный метафорический перенос, при котором «материальные характеристики» меняются, а функция остается, ср.: «гусиное перо (часть оперения птицы) передало свое название стальному перу не потому, что они оба заточены снизу, остры и имеют одинаковое движение, а потому, что у них общая функция: „орудие письма“» [Реформатский 1996: 46]. Здесь метафорическое значение выражает связь функционального свойства ‘орудие письма’ базового концепта ГУСИНОЕ ПЕРО со стальным пером.

4.2. Метонимия. В п. 2 мы проанализировали пример А. А. Реформатского *Я три тарелки съел* и показали, что слово *тарелка* употреблено в метонимическом значении:

(3) *тарелка* = ‘еда, которая заполняет тарелку и составляет с ней интегральное целое’.

⁹ Ср. толкование в Словаре Ушакова: ‘Двигаться, совершать движение в каком-н. направлении (о предметах)’ [СУ, I: 1266].

Покажем, что данная структура описания присуща и другим метонимическим значениям.

П р и м е р ы. *Ручка чайника.* Здесь рука удерживает дужку чайника, образуя вместе с ней новое целое — «рука вместе с дужкой», двухчастную систему, обеспечивающую человеку возможность манипулировать чайником. Поэтому словом *ручка* называется дужка — смежный референт метонимического значения — вторая интегральная часть этой системы. Сказанное верно для любой ручки: двери, зонтика, сумки и др. независимо от ее формы, материала и т. д.

Кастрюля кипит (новое целое — кастрюля с водой; словом *кастрюля* называется присоединенная и интегральная часть кастрюли — вода). Ср. также примеры из [Реформатский 1996: 47]: *стол* — «мебель» и *стол* — «пища» («диетический *стол*»), *блюдо* — «посуда» и *блюдо* — «кушанье» («обед из трех *блюд*»), *бумага* — «материал, на котором пишут» и *бумага* — «документ».

Аналогично объясняются примеры: *Следы идут вдоль забора* (новое целое — ходьба человека и его следы; слово *идут* называет присоединенную часть — последовательность следов); *Дорога идет вдоль забора*.

Определяя метонимический перенос, А. А. Реформатский пишет, что это «такой перенос названия, который совершается ... на основании смежности, т. е. соприкасания вещей в пространстве или во времени» [Там же]. Важно, однако, чтобы вещи были не только смежными, но и образовывали **новое интегральное единство**, т. е. были бы двумя интегральными частями новой системы. Например, если кастрюля с водой стоит на огне и вода в ней кипит, то возникает метонимия: *кастрюля кипит*. Если же вода в кастрюле кипит благодаря кипятивнику, то сказать **кастрюля кипит* уже нельзя, поскольку кастрюля хоть и смежна с водой, но не соучаствует в ее кипячении. Аналогично обстоит дело и с метонимическим употреблением слова *бумага* в значении ‘документ’, ср.: *Подготовьте бумагу к утреннему заседанию, Где Ваши бумаги?* В этом случае метонимически называется не любой текст, написанный на листе бумаги, а только документальный текст, который без бумажного носителя перестает быть документом — вещественным свидетельством. Поэтому лист бумаги и документальный текст образуют новое двусоставное целое. В этом же ключе толкуются метонимии «место — изделие: *херес, мадера, бордо, абрау-дюрсо, кюрасо* — как названия вин и как географические пункты» (с. 48). Наиболее наглядную иллюстрацию принципа «интегрированной двухсоставной системы» дает пример Реформатского: «французское *jalousie* — *жалюзи* — „оконные шторы из деревянных пластинок“ от *jalousie* — „ревность“ (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору)» (с. 47). Штора образует с подглядывающим системное единство, поскольку, скрывая подглядывающего, не препятствует, а напротив, содействует ему.

4.3. Синекдоха. В п. 2 мы проанализировали пример Н. Д. Арутюновой *Шляпа оторвалась от чтения газеты* и показали, что слово *шляпа* употреблено в синекдохическом значении:

(4) *шляпа* = ‘человек в шляпе, которая является идентифицирующей его частью’.

Покажем, что данная структура описания характерна и для других синекдохических значений.

П р и м е р ы. Разберем несколько случаев, приводимых А. А. Реформатским (с. 48).

Часть вместо целого: «сто *голов* скота», «полк в сто *штыков*», «эскадрон в сто *сабель*»; «*Эй, борода!*» (обращение к человеку с бородой) (...) Часто в качестве такой синекдохи используются детали костюма: *чуйка* — название погромщика-черносотенца, *гороховое пальто* — «шпик царской охранки», *кара-калпак* — «черный колпак» — название народа, *Красная Шапочка* в сказке; *еноты*, *бобры* и т. д. в русской литературе XIX в. (лица по меху их воротников и шуб).

В обращении *Эй, борода!* слово *борода* называет не бороду как таковую (референт основного значения), а мужчину с бородой. Причем, борода здесь выступает не просто как одна из частей мужчины, а как идентифицирующая его часть (в компании бородатых мужчин такое обращение бессмысленно). В выражениях *сто голов скота*, *полк в сто штыков*, *эскадрон в сто сабель* метонимическое имя *голова / штык / сабля* также используется как часть целого, удобная для идентификации этого целого при количественных подсчетах. Аналогичную идентифицирующую функцию несут метонимические имена *Красная Шапочка*, *бобер*, *енот* и др.

Другие примеры. *Все флаги в гости будут к нам* (Пушкин): здесь слово *флаги* имеет синекдохическое значение и называет иностранные корабли и страны, которым они принадлежат, через идентифицирующие их флаги. *Я нуждаюсь в крыше для моего семейства* (Герцен): слово *крыша* называет и идентифицирует жилище (контекстуальный объект).

Синекдоху принято определять как «такой перенос значения, когда, называя часть, имеют в виду целое или, называя целое, имеют в виду часть целого: поэтому римляне называли синекдоху *pars pro toto* — „часть вместо целого“ или *totum pro parte* — „целое вместо части“» [Реформатский 1996: 48]. Наше определение отличается от приведенного. Во-первых, мы уточняем, что целое представляет не любая, а **идентифицирующая** его часть. Во-вторых, мы хотели бы вынести за пределы нашего рассмотрения второй тип синекдохических значений (*totum pro parte* — «целое вместо части»), ср. примеры:

Общее вместо отдельного: ... первоначально *пиво* означало «вообще напиток, то, что пьют», а *квас* — «квашеный продукт», теперь благодаря сужению значения по синекдохе — «специальные виды напитков». Род вместо вида, когда налицо также сужение значения: *машина* в значении «автомобиль», *насекомое* в значении «вошь», *орудие* в значении «пушка» и т. п. (с. 48).

Дело в том, что здесь целое (основное значение) не является базовым концептом. Оно задает не базовую категорию — полный класс объектов данной формы, а суперкатеорию, объединяющую совокупность базовых категорий. Верный признак суперкатеории — отсутствие у нее единой формы: автомобиль ее имеет, а

машина — нет, пушка имеет, а орудие — нет, пиво имеет определенный вид (цвет, пена и пр.) и вкус, а напиток — нет. Конечно, это тоже производные синекдохические значения: они также задают не просто вид, а **характерный** для данного рода вид, идентифицирующий его. Но они отражают другой аспект развития языковой таксономии: переход от суперкатегорий (обобщенных языковых значений) к категориям (к основным значениям). Нас же интересуют процессы перехода от категорий (основных значений, имеющих внеязыковой статус) к подклассам категорий и более дробным языковым смыслам, задающим эти подклассы.

4.4. Сопоставление типов значений. Перейдем теперь к сопоставлению основных и производных значений. Добавим к обсуждавшимся выше (в п. 2) еще три различия между ними.

1) Если основные значения (базовые концепты) формируются и хранятся в памяти человека независимо от усваиваемого им языка, то производные значения, напротив, формируются исключительно при посредстве языка. Внеязыковыми средствами производное значение непередаваемо. Если основное значение фразы *Это медведь* можно задать остенсивно — указав на референт жестом, взглядом, кивком головы, то производное значение фразы *Собакевич был настоящий медведь* никаким иным способом, кроме языкового, передать невозможно.

2) Основное и производное значения слова опираются на совершенно различные принципы номинации (называния референта). Слово в основном значении, называя референт, целиком характеризует его: свойства референта должны полностью соответствовать основному значению (базовому концепту) слова. Поэтому, как мы уже отмечали, фраза *Это — человек*, именующая человека, будет корректной, а фраза *Это — *медведь*, отнесенная к тому же человеку, будет некорректной: внешний облик и качества человека не соответствуют основному значению (базовому концепту) МЕДВЕДЬ. Понятно, что корректность первой и некорректность второй фразы обусловлена исключительно именуемым объектом (его общей характеристикой: соответствует она основному значению или нет) и никак не связана ни с контекстом, в котором употреблено слово, ни с ситуацией, в которой находится объект-референт.

Слово в производном значении, напротив, называет свой референт **совместно с остальной фразой** и само по себе характеризует его лишь частично, задавая для него либо отдельное свойство основного значения (метафора), либо отношение, в котором он должен находиться с основным референтом (метонимия и синекдоха). Поэтому фраза *Собакевич был настоящий медведь*, в которой слово *медведь* называет человека, вполне корректна.

Еще один пример, показывающий, что корректность метафорической номинации может зависеть от положения референта. Дочь Жана Пиаже Жаклин (2 года и 3 месяца), держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик* [Елисеева 2008: 86]). Правильность употребления слова *зонтик* обусловлена здесь исключительно тем обстоятельством, что с расческой осуществляется действие, типичное для зонтика. Если бы расческа лежала на столе, эта фраза была бы некорректна.

В свете сказанного весьма показательна дискуссия между автором данной статьи и И. А. Мельчуком:

А. Д. Кошелев: Толкование полнозначного слова должно адекватно описывать множество его прямых референтов. [Ни в коем случае! У слова же вне фразы нет референта. — *И. М.*] ¹⁰. <...>

И. А. Мельчук: Все зависит от того, какие семантические примитивы Вы ищите. Если примитивы мысли или восприятия, то, разумеется, их надо искать в действительности [точнее, в психическом отражении действительности. — *И. М.*]. Но если это примитивы для описания значений слов (а не для описания вещей!), то они — только в языке. <...> Я убежден (всегда был, а теперь и совсем уверен), что толкование слова не должно описывать множество его референтов! Для меня это центральное убеждение лингвиста [Кошелев — Мельчук 1996: 195—196; разрядка И. А. Мельчука].

В действительности нет никакого противоречия в этих, казалось бы, антагонистических точках зрения, поскольку речь идет о разных типах значения. Я говорю об описании основного значения слова (базового концепта, «примитива мысли или восприятия»), а И. А. Мельчук — об описании производного значения слова, не имеющего вне фразы референта.

3) Основные значения (базовые концепты) носят универсальный (общечеловеческий) статус, а производные значения — лингвоспецифический статус (принадлежащий отдельному языку и использующему этот язык этносу). Категоризация целостных явлений мира, задаваемая базовыми концептами, едина для всех этносов и языков, поскольку она обусловлена когнитивным развитием человека как вида. Дробная, дискретная классификация, выражаемая производными значениями (смыслами) слов, в существенной степени предопределяется коллективными представлениями этноса об окружающем мире. Дело в том, что производные значения базируются на отдельных свойствах основных значений (базовых концептов), а эти свойства обладают этноспецифической, а не общечеловеческой значимостью, поскольку в разных этносах деление базовых концептов на отдельные компоненты и вычленение из них типичных (для концепта) компонентов осуществляется по-разному. К примеру, для русского языка характерно выделение в концепте ОБЕЗЬЯНА свойств 'кривляется, передразнивает окружающих' и 'уродливая карикатура человека'; в английском языке первое свойство сохраняется, а второе — нет. В немецком же языке вместо этих свойств в концепте ОБЕЗЬЯНА выделяется другое свойство: 'развязное, бесшабашное поведение', сходное с поведением слегка опьяневшего человека (подробнее об этноспецифике производных значений см. п. 7).

Следовательно, о референтах слов с производными значениями можно говорить только в рамках языка, в котором эти значения существуют. Вне этого языка, ни таких производных значений, ни их референтов может не существовать.

¹⁰ В квадратные скобки заключены дополнения и разъяснения, сделанные И. А. Мельчуком при подготовке переписки к печати.

5. Система лексических значений знаменательного слова. Всякое знаменательное слово языка имеет в синхронии, как правило, одно основное значение. Производных значений может быть несколько. В совокупности эти значения образуют локальную концептуально-смысловую сеть.

Проиллюстрируем эту мысль на примере анализа системы лексических значений слова *обезьяна*. Приведем словарную статью из Словаря Ушакова [СУ, II: 629], слегка модифицировав ее.

Словарная статья существительного *Обезьяна*.

Основное значение (концепт).

1. Концепт ОБЕЗЬЯНА = Стадное животное из отряда высших млекопитающих, обладающее развитым мозгом, наиболее близкое к человеку по строению тела и движениям, способное передвигаться на одних задних лапах и использовать передние лапы, чтобы брать предметы.

Производные значения (смыслы).

Значение 1.1 = Человек, который, подобно обезьяне, склонен гримасничать, кривляться, или передразнивать других.

Значение 1.2 = 'Очень некрасивый человек' = Человек, который, подобно обезьяне, имеет безобразную внешность, ср.: *А ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!*

Значение 1.3 ≈ 'Бестактный, «дикий» человек (бранное слово)' = Человек, который, подобно обезьяне, пренебрегает нормами поведения, ср.: — *Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?* (А. Островский).

Основное значение определяет обезьян как изолированную категорию (вид) животных, строго отделенную как от человека, так и от животных других видов. Базовый концепт представляет собой синтез *Формы* (типизированного внешнего вида и структуры тела обезьяны, включая типичные формы ее поведения, взаимодействия с окружением, звуковые сигналы и пр.) и *Содержания* (осмысления *Формы*: живое существо, способное осуществлять те или иные действия с соответствующими целями, опасное или нет, и пр.). Главное качество основного значения — его целостность, представляющая обезьяну как реальное живое животное.

Производные значения — задают **подклассы людей, которым присущи свойства, сходные с типичными свойствами обезьян** (согласно русским народным представлениям обезьяны кривляются и передразнивают окружающих, внешне уродливы и совершенно неуправляемы). Какое именно свойство обезьян приписывается человеку, следует из контекста, в котором употреблено слово в производном значении, или из референтной ситуации.

Метафорическое значение 1.1 реализуется во фразе *Ваня — настоящая обезьянка* ('кривляющийся, гримасничающий человек') — пример Н. Д. Арутюновой, ср.:

Метафора учит... извлекать признаки из предметов, превращать мир предметов в мир смыслов. Когда говорят «Ваня (не мальчик, а настоящая обезьянка)», не имеют в виду ни расширить класс обезьянок, за счет включения в него одного мальчика, ни сузить класс мальчиков, изъяв из него Ваню. Метафора имеет своей целью выделить у Вани некоторое свойство, общее у него с обезьянками [Арутюнова 1999: 382—383].

Производное значение 1.2 реализуется во фразе *Ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* ('очень некрасивый человек'). Здесь контекст поддерживает уже иной подкласс людей, сближающихся с обезьяной по другому основанию — уродливой внешности.

Аналогично формируется и производное значение 1.3: '«дикий», не следующий нормам поведения, человек', — *возникающее, к примеру, во фразе Не суйся, куда не следует, обезьяна!* Здесь, согласно контексту, люди сближаются с обезьянами по третьему основанию.

Итак, производные значения 1.1—1.3 суть двукомпонентные промежуточные понятия типа 'концепт ЧЕЛОВЕК & некоторое свойство обезьяны'. Они дробят категорию «Люди», выделяя в ней три подкласса людей, по-разному связанных с обезьянами.

В толковом словаре [БТС: 665] приводится еще одно производное значение — 1.4 = 'Мех нутрии, выделанный под обезьяний'. Легко убедиться, что оно образуется аналогично предыдущим: вводит новый контекстно поддержанный концепт — МЕХ и выделяет в нем подкласс (вид меха), сближающийся с обезьянами по схожести с их шерстью. Например, в магазине меховых изделий продавец на вопрос покупателя *Что это за мех?* может ответить *Это норка, а это обезьяна*. Аналогичные производные значения имеют и другие названия животных, мех которых человек использует для пошива одежды: *кролик, лиса, нутрия, песец* и др. Все они в совокупности дробят категорию «Мехá» на множество отдельных подклассов.

Разумеется, эта система не полна. Укажем для примера, еще три не включенные в нее производных значения. О мальчике, ловко лазающем по деревьям, вполне можно сказать *Петя настоящая обезьянка*. О волосатом человеке можно сказать *Смотри, какая обезьяна*. Это все метафорические значения. А вот пример метонимии. Мы выше упоминали номинации *бобер, енот*, называющие человека в бобровой или енотовой шубе. Точно также можно назвать человека в одежде из обезьяньего меха: *Обезьяна купила газету*.

Хорошую иллюстрацию рассмотренной системы значений 1.1 — 1.4 дает система их референтов, см. рис. 4.

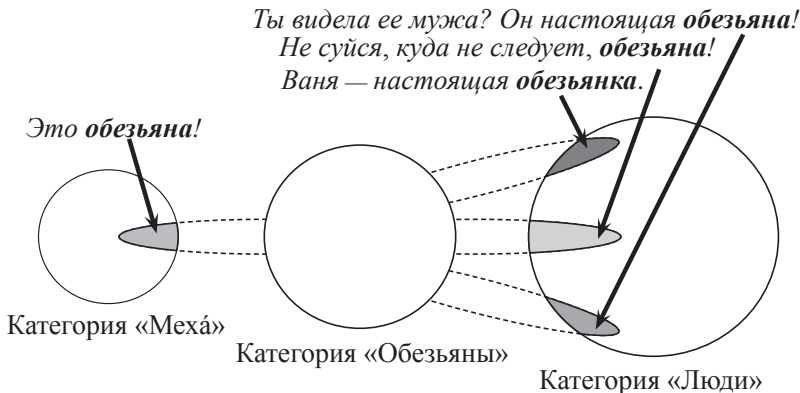

Рис. 4. Система референтов слова *обезьяна*, имеющая звездообразную структуру. Центральный круг задает категорию «Обезьяны» — множество референтов основного значения. Четыре затемненные области (три справа и одна слева от центрального круга — подклассы категорий «Люди» и «Меха») — это референты производных (метафорических) значений слова *обезьяна*. Пунктирные линии символически обозначают различные характеристики основного значения, приписываемые производным референтам, см. аналогичные рисунки 1—3

Разобранные примеры наглядно иллюстрируют роль производных значений (смыслов) слов: в совокупности с основными значениями они задают таксономическое представление мира в виде концептуально-смысловой сети. Если основное значение (базовый концепт) слова — это **целостное независимое** понятие, задающее самостоятельную и универсальную категорию явлений действительности, то производные значения (смыслы) слова — это более дробные **двухкомпонентные** понятия, связывающие основное значение данного слова с другими (исходно независимыми) основными значениями. Иначе говоря, они задают более дробную классификацию мира, выделяя в других категориях подклассы, связывающие между собой изолированные базовые категории.

Тем самым производные значения превращают первичную категоризацию, задаваемую основными значениями, в связную таксономическую сеть. Правда, эта сеть представлена в памяти говорящего лишь частично — теми производными значениями, которые, ввиду частого использования, осели в памяти говорящего и связали хранящиеся там основные значения. Большинство же производных значений «виртуальны». Они по мере необходимости порождаются говорящим или слушающим (при восприятии производного значения) и тут же забываются, подробнее см. п. 10.3.

Из сказанного следует, что **система лексических значений слова имеет звездообразную структуру**, в которой каждое производное значение непосредственно отпочковывается от основного значения. Между собой производные значения никак не связаны. Их единство обусловлено исключительно их «стволом» — основным значением, с которым они, подобно ветвям, связаны по отдельности. Поэтому диффузности, трактуемой как преобразование одного значения в близкое ему другое значение, между ними нет. Производные значения действительно могут быть очень близки друг к другу (подобно ветвям одного дерева), но эта близость обусловлена сходством их связей с основным значением (см. к этому ниже п. 9, в котором анализируется аналог понятия диффузности — «радиальная категория» Дж. Лакоффа).

6. Идентификация типа значения. Выше мы показали, что, не зная, в каком (основном или производном) значении употреблено слово, реципиент (человек, воспринявший фразу с этим словом) не может правильно понять его смысл и установить его референт, см. конец п. 4, анализ фразы *Это медведь*. Остановимся подробнее на вопросе о том, как реципиент понимает, в каком именно значении используется слово во фразе: в основном или производном. Каким образом он, к примеру, узнаёт, что в воспринятой им фразе *Лошадь шла ровно* глагол *шла* употреблен в основном (концептуальном) значении, а во фразе *Лошадь шла рысью* — в производном?

Часто таким показателем служит контекст, или «фразовое окружение» [Виноградов 1977: 176]. Например, в той же фразе *Лошадь шла рысью* слово *рысью*, общая о беге лошади, обуславливает актуализацию у глагола *шла* производного значения. Что же касается основного значения, то оно актуализируется независимо от фразового окружения, ср. в следующих фразах: *Лошадь шла*, *Лошадь шла шагом*, *Лошадь шла ровно*.

Как мы уже отмечали, производное значение актуализируется лишь при контекстной поддержке. Но информация о типе референта может иметь разные источники: фразовое окружение, непосредственное восприятие, энциклопедические знания об описываемой ситуации.

Сформулируем общее правило:

1) слово имеет во фразе **основное** (концептуальное) значение, если оно называет а) объект **неизвестной категории** (реципиент не может определить, «свой» он или «чужой») или б) объект **своей категории** (согласно фразовому окружению или другой информации).

2) слово имеет во фразе **производное** значение, если, согласно фразовому окружению или другой информации, оно называет объект **другой категории** и **этот объект обладает некоторым свойством основного значения** или **вступает с его референтом в определенное отношение** (интеграции или «часть — целое»).

3) слово употреблено во фразе некорректно, если не выполняется ни одно из двух предыдущих условий.

Поясним и проиллюстрируем данное правило.

ОСНОВНОЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЕ.

Во фразе *Лошадь шла ровно* характер референта (принадлежность его к «своей» или к «чужой» категории) неизвестен (лошадь может идти, бежать, плыть и т. д.). В соответствии с правилом, в такой неизвестной референтной ситуации в глаголе *шла* актуализируется основное значение. Оно сообщает совершенно новую информацию о типе референта (о движении лошади). Во фразе *Лошадь шла шагом* фразовое окружение *шагом* однозначно указывает на ходьбу лошади. Поэтому и здесь глагол имеет основное значение. Правда, оно уже менее информативно, поскольку лишь подтверждает (или подчеркивает) известную информацию о референте. Аналогично, во фразе *Человек идет шаркающей походкой* глагол *идет* употреблен в основном значении (7).

ПРОИЗВОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Во фразе *Лошадь шла рысью* фразовое окружение *рысью* указывает, что в действительности лошадь не шла, а бежала. Следовательно, глагол *шла* отнесен к объекту другой категории, который имеет общее свойство с основным значением глагола *шла*. Поэтому, согласно правилу, имеет место производное значение. Аналогично, во фразе *Лошадь шла ко дну* слова *ко дну* указывают, что лошадь тонула (опускалась) и ‘двигалась плавно’. Глагол *шла* имеет то же самое производное значение.

Точно также, во фразе *Теплоход идет* фразовое окружение *Теплоход* указывает, что ее референт не может быть ходьбой, но обладает некоторым свойством ходьбы. Поэтому автоматически актуализируется производное значение глагола *идти*, характеризующее данный референт глагола *плыть*.

Реципиент может черпать информацию и из других источников. Например, он может просто быть свидетелем описываемого фразой движения, и тогда ему не нужны ни фразовое окружение, ни другие знания. Так, во фразе *Иван побежал к начальнику* нет фразового окружения, однозначно указывающего на характер движения Ивана. Поэтому исходно глагол *побежал* воспринимается в основном значении. Однако если мы видим, что Иван не побежал, а быстро пошел к начальнику, значение глагола *побежал* становится производным и выражает типичное свойство бега — «двигаться поступательно, ритмично и быстро».

НЕКОРРЕКТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ.

Во фразе **Лошадь бежала, едва переступая ногами*, отнесенной к медленно, с трудом идущей лошади, глагол *бежала* употреблен некорректно. Он не имеет здесь ни основного, ни производного значения. Во-первых, лошадь шла, а не бежала, а во-вторых, в ее ходьбе не усматривается какого-либо типичного свойства бега. Другой пример: **Иван — обезьяна*. Вне контекста данная фраза некорректна. С одной стороны, слово *обезьяна* отнесена к человеку и потому не может иметь основного значения. С другой стороны, непонятно, какое именно производное значение оно имеет: какое из типичных свойств обезьяны приписывается Ивану.

Аналогично, фраза девочки Жаклин *Это зонтик*, отнесенная к расческе, которую она держала над головой, как зонтик, корректна (см. пример в п. 4.4.), поскольку с расческой осуществляется действие, типичное для зонтика (второй пункт правила). Но, если бы расческа лежала на столе, эта фраза была бы некорректна, так как сходство с зонтиком элиминируется (третий пункт правила).

7. Универсальность и лингвоспецифичность производных значений. Естественно полагать, что рассмотренные три типа производных значений универсальны, т. е. присущи всем человеческим языкам. Парадоксально, однако, что эта универсальность не влечет за собой универсальности самих производных значений. Очень часто основные значения слов в разных языках совпадают, а производные от них значения совпадают лишь частично или не совпадают вовсе.

Например, основные значения английских глаголов *walk* и *run* совпадают с основными значениями их русских эквивалентов *идти* и *бежать* (см. Приложение на с. 734). Однако их производные значения совпадают лишь частично. Вообще же, если у глагола *идти* около 40 производных значений, а у глагола *бежать* их гораздо меньше, то в английском языке картина обратная: глагол *to run* имеет гораздо больше производных значений, чем глагол *to walk*.

У глагола *walk* типичные производные значения иные, чем у глагола *идти*, ср.: 1. 'выгуливать животное' *Ann walked her dog in the park* («Анна выгуливала

свою собаку в парке»); 2. ‘проводать, сопроводать’ *Michael will walk you home* («Майкл проводит тебя до дома»). Русскому языковому мышлению они совершенно не свойственны, хотя и вполне понятны. Их производный характер объясняется тем, что цель ходьбы — «переместить себя в другое место» — не является главной ни для Анны, ни для Майкла.

В то же время некоторые другие производные значения глагола *walk* аналогичны русским. Так, фраза *The person runs in place* описывает человека, бегущего на месте, синонимична фразе *Человек бежит на месте*. О кукле, которая движется по сцене на ниточках, прикрепленных к ее ногам, можно сказать *Кукла идет*, но можно сказать и *The doll walks*. В то же время по-русски корректно сказать *Дорога идет через лес* и допустимо — *Дорога бежит через лес*, ср. *Дорога бежала через поле, потом через лес*, а по-английски — фраза *The road runs through the forest* корректна, а фраза *The road *walks through the forest* — нет. По-русски вполне нормально сказать *Поезд идет / теплоход идет / туча идет* ‘движется поступательно, небыстро и плавно’. По-английски аналогичные фразы с глаголом *walk* недопустимы. Это верно и в отношении фраз *Ну и шляпа же ты* (= ‘растяпа’) и *Oh, you are a real *hat* (эта фраза некорректна).

Одинаково корректны в русском и английском языках фразы: *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* (= ‘гримасничает, кривляется, передразнивает других’) и *Vanya is not a boy, but a little monkey*; *Это не молоко, а вода* (о молоке малой жирности), *This is water, not milk*. И напротив, существенно различаются фразы *Ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* (= ‘очень некрасивый человек’), *Have you seen her husband? He is a real dog (*monkey)*; *Эти тарелки были сделаны из дерева* и *These dishes were made of wood (*tree)*; *Эй, шляпа!* и *Hey, you in the hat!*

Аналогичная картина наблюдается и в сопоставлении русского и немецкого языков. Например, в немецком языке производное значение слова *обезьяна* выражает особый тип ‘развязного, бесшабашного поведения’, характерного для опьяневшего человека, ср.: *sich einen Affen kaufen* — разг. ‘начать пить и немного охмелеть’, букв. — ‘купить себе обезьяну’; *den Affen loslassen* — разг. ‘предаваться буйному (пьяному) веселью’, букв. — ‘выпустить обезьяну’.

8. Референциальный анализ концептуальных значений. Нередко производное значение образовано весьма существенной частью концепта и потому не сильно отличается от него. В таких случаях для идентификации типа значения необходимо располагать по возможности полным описанием основного значения (концепта). Чтобы проиллюстрировать сказанное, продолжим анализ основного значения (7) фразы *Человек идет*. Это значение задает общечеловеческую категорию «Человек идет», которую можно сформулировать так:

- (9) Категорию движений «Человек идет» составляют все референты фразы *Человек идет*, взятой в ее концептуальном (основном) значении, и только они. Критерием принадлежности конкретного движения человека к данной категории будет **корректность именованного такого движения фразой *Человек идет***.

Опираясь на определение (9), мы теперь можем проанализировать различные референции фразы *Человек идет*, чтобы более строго охарактеризовать ее основное значение (концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) и в соответствии с ним более строго очертить множество производных значений.

1) Зададимся вопросом: относится ли референт фразы *Иван идет на месте* к категории «Человек идет»? Применение определения (9) сразу дает ответ: нет, поскольку такой референт некорректно назвать фразой **Иван идет* (без фразового расширения *на месте*). Следовательно, концепт ходьбы должен содержать характеристику «поступательное перемещение».

2) Возьмем другой вид ходьбы: человек движется по лесу, постоянно меняя направление, когда, скажем, собирает грибы. Это движение корректно назвать фразой *Человек ходит по лесу*, но не фразой **Человек идет по лесу*. Следовательно, в концептуальном значении этой фразы обязательно должно присутствовать свойство ‘поступательное перемещение к одной пространственной цели’. Конечно, человек может идти по дорожке без всякой пространственной цели. Но тогда глагол *идти*, отнесенный к его движению, имеет производное значение.

3) Представим теперь такую ситуацию: садовник сформировал новую дорожку, присыпал ее песком и теперь утаптывает ногами. При этом он поступательно перемещается к концу дорожки. Однако ни один носитель русского языка не скажет в этом случае, что *Садовник идет по дорожке*. Будет сказано иное: *Садовник утаптывает дорожку*. Дело в том, что для садовника пространственная цель вторична, т. е. является средством для достижения в процессе движения другой, главной цели — ‘утоптать дорожку’. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют о том, что **в концепте ходьбы пространственная цель (переместиться в данный пункт) является главной**.

В итоге проведенного анализа получаем следующее, более полное в сравнении с (7), описание искомого концепта:

(10) Основное значение фразы *Человек идет* (концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) ≈

- i) Человек для достижения своей **главной** цели — «переместиться в пункт Р» — выбирает неторопливую манеру перемещения и оптимальный наземный путь к пункту Р¹¹ (содержание) и
- ii) человек движется в направлении Р по этому пути посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (кинематическая форма)

Понятно, что содержание, близкое к содержанию (10-i), присуще также человеческому бегу (в нем «неторопливая манера» заменяется на «торопливую манеру»), независимо от того, кто бежит: «наматывает ли круги на беговой дорожке стадио-

¹¹ Подробнее о компонентах движения «манера / путь» и др. см. в [Talmy 1985: 57—66].

на Карл Льюис или бабушка бежит к телефону» [Golinkoff et al. 2002: 604]. В последнем примере фраза *Бабушка бежит к телефону* имеет основное значение, поскольку в ней это содержание представлено в полной мере. Что же касается фразы *Карл Льюис бежит по дорожке стадиона*, то она имеет основное значение лишь в случае, если речь идет о соревновании по бегу, когда пространственная цель — достичь финиша — является для спортсмена главной. Если же Карл Льюис «намазывает круги» с другой целью — «потренироваться, размяться перед соревнованием», то эта фраза имеет уже производное (метафорическое) значение, поскольку в данном случае пространственная цель вторична.

Аналогичные метафорические значения имеет глагол *идти* во фразах *Мы идем погулять / подышать свежим воздухом / проветриться*, сказанных уже в процессе ходьбы, в актуально-длительном значении.

Эти примеры наглядно иллюстрируют важность точного описания концептов ХОДЬБА / БЕГ ЧЕЛОВЕКА. Если в них не включать свойство «пространственная цель — главная», то значение ‘идти / бежать для тренировки’ выглядит как расширение («обрастание») концептуального (основного) значения дополнительным свойством (целью). Тем самым метафорическая сущность этого значения утрачивается.

Подчеркнем еще раз: хотя производные значения ‘идти, чтобы размяться’ и ‘идти, чтобы подышать свежим воздухом’ весьма близки к основному значению глагола *идти*, это качественно иные, производные значения. В них «естественная» ходьба, исходно предназначенная для реализации главной цели — переместить тело в другое место — используется для совершенно иной цели. Концепт же синкретичен: все его свойства представляют собой целостное единство, неподвластное частичной модификации. Локальная замена исходно главной (пространственной) цели на какую-то другую главную цель невозможна, поскольку разрушает эту целостность. Такая замена допустима лишь при полном преобразовании концепта — дифференциации в нем вполне самостоятельных компонентов (свойств, частей), которые теперь способны служить источником для производных значений независимо от того, какую долю концепта они составляют.

9. Теория лексических сетей. Теперь мы можем сравнить излагаемую нами точку зрения с внешне схожей с ней теорией лексических сетей (lexical network theory) [Norvig, Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988]. В этой теории система лексических значений многозначного знаменательного слова представляется в виде сети, где центральное (и начальное) значение где центральное (и изначальное) место занимает базовый концепт, от которого отходят цепочки других смыслов, «минимально» отличающихся друг от друга (составом участников действия и их ролями (агента, источник, реципиент и др.), метафоризацией и пр.). В статье [Norvig, Lakoff 1987] дается лексическая сеть для семи значений глагола *to take*, представленных фразами: 1. *Джон взял книгу у Мэри* (значение, или базовый концепт take-1 — ‘физически схватить’), 2. *Джон взял книгу для Мэри* (смысл take-2), 3. *Джон взял книгу в Чикаго* (смысл take-3), *Джон взял Мэри в театр* (смысл take-

4) и др. По мнению авторов, смысл take-2 отличается тем, что агент (Джон) уже не является реципиентом (получателем книги), смысл take-3 — тем, что вместо реципиента (Мэри) фигурирует место, в которое требуется переместить книгу, а смысл take-4 признается уже метафорическим и наиболее близким к смыслу take-2. В результате формируются две разветвляющиеся цепочки лексических смыслов: take-1 → take-2 → take-3 и take-1 → take-2 → take-4.

Данный подход базируется на понятии «радиальная категория», которая «структурирована радиально по отношению к ряду ее субкатегорий: имеется *центральная* субкатегория... кроме того, имеются *нецентральные расширения*, которые не являются специфическими примерами центральной субкатегории, но представляют собой ее варианты» [Лакофф 2004: 128; курсив Лакоффа]. Например, значение слова *мать* является центральной субкатегорией, а значения выражений *приемная мать*, *суррогатная мать* и т. д. — ее расширениями (вариантами).

Наша точка зрения существенно иная. Мы разделяем лексические значения знаменательного слова не по степени их близости, а по их типу: основное значение (базовый концепт) vs производные от него смыслы. В соответствии с этим принципом семантически близкие значения могут относиться к разным типам и тем самым качественно отличаться друг от друга. Например, во фразе *Карл Льюис бежит по дорожке стадиона* в зависимости от цели движения агенса (достичь финиша или потренироваться) глагол *бежать* будет иметь в первом случае основное, а во втором — метафорическое значение. Поэтому наша сеть лексических значений слова имеет вид звезды, или ствола дерева с отходящими от него ветвями: от основного значения (базового концепта) в разные стороны расходятся производные смыслы, между собой уже никак не связанные (хотя некоторые из них могут быть очень близкими друг к другу). В соответствии со сказанным, в рассмотренном примере смысл take-2 мы также считаем базовым концептом (как и смысл take-1), поскольку во фразе *2 Джон взял книгу для Мэри* Джон, как и в первом случае, 'физически схватил' книгу. Смысл take-3 во фразе *3*, напротив, уже производный — метафорический, поскольку Джон вообще мог не прикасаться к книге (если не он укладывал свой чемодан). Смысл take-4 также метафоричен. В результате, в нашей сети от базового концепта take-1 / take-2 должны отходить отдельными «лучами» («ветвями») два метафорических смысла: take-3 и take-4.

10. Усвоение лексических значений. Для уяснения сущности механизмов, лежащих в основе функционирования рассматриваемых лексических значений, важно различать в этих механизмах когнитивную и языковую составляющую. Для этого полезно взглянуть на процесс формирования лексических значений у детей при усвоении ими родного языка.

10.1. Усвоение основных значений. В свете сказанного выше можно предположить, что усвоение нового слова в основном значении сводится для ребенка к уяснению двух вещей: а) какие явления действительности, в частности, объекты

или действия оно называет и б) к какому базовому концепту эти явления относятся. Базовые концепты формируются в памяти ребенка до языка и независимо от него (как можно полагать, первые из них формируются у ребенка уже к 9 месяцам, см. выше результаты С. Ваксман). Параллельно активизируется и процедура Распознавания, определяющая, какому базовому концепту соответствует воспринимаемое ребенком явление (предмет или действие). В этих условиях ребенку для усвоения слышимого от окружающих слова родного языка необходимо лишь понять, какой базовый концепт оно именуется. Тогда это имя через процедуру Распознавания относится к определяемым этим концептом объектам или действиям. Поэтому ребенку достаточно видеть, с какими предметами или действиями, точнее, с какими их формами, оно соотносится. Тогда он легко распознает по этим формам и базовый концепт с подходящей общей Формой, и приписывает этому концепту слышимое имя¹². Тем самым возникает классическая схема семантического треугольника: Имя — Основное значение (базовый концепт) — Референты. Имя ассоциативно связано с основным значением (базовым концептом), базовый концепт посредством процедуры Распознавания соотнесен с категорией задаваемых им объектов, а имя через базовый концепт опосредованно связано со своими референтами — внеположными языку членами категории.

Таким образом, в данном случае, слово используется в роли этикетки для готового и сугубо концептуального механизма: Базовый концепт — процедура Распознавания — Категория явлений действительности. Точно так же усваиваются и производные значения слов, называющих **изображения реальных объектов и действий** (их фотографии, рисунки, игрушечные копии, бутафорные и декоративные предметы), поскольку их внешний вид распознаётся детьми столь же быстро, сколь и внешний вид реальных объектов. Например, свои игрушки — куклу, мишку, машину — они воспринимают как реальные объекты¹³.

Естественно спросить: а что же в процессе усвоения слова, т. е. при формировании схемы семантического треугольника, относится к собственно языковой сфере? Наш ответ таков: к языковой сфере относится способность ребенка к **усвоению и использованию имен**. До сих пор многие исследователи ориентируются на высказанную В. Штерном еще в начале XX века мысль, согласно которой примерно в год ребенок делает «открытие, что... комплексы звуков обладают обозначающей (символической) ценностью... что каждому предмету принадлежит такой... знак, служащий для называния и сообщения: что каждая вещь имеет название» [Штерн 1915: 92], ср.: «Дети подходят ко второму году своей жизни с ожиданием того, что шумы, производимые другими людьми, могут использоваться как симво-

¹² Мы несколько идеализируем ситуацию и игнорируем явление сверхгенерализации (обобщенности первых лексических значений ребенка), которое постепенно исчезает.

¹³ Возможно, это проявление элементов атавистического мышления, ср.: «Общеизвестен тот факт, что первобытные люди и даже члены уже достаточно развившихся обществ... считают пластические изображения существ, писанные красками, гравированные или изваянные, столь же реальными, как и изображаемые существа» [Леви-Брюль 1999: 37].

лы, и бóльшая часть работы по овладению языком заключается в том, чтобы установить, какие понятия ... эти шумы символизируют» [Пинкер, Джакендофф 2008: 274; курсив мой. — А. К.].

Однако ряд современных данных позволяет утверждать, что ребенок практически с момента рождения, во-первых, начинает различать в потоке воспринимаемой сенсорной информации гештальтные когнитивные единицы двух качественно различных типов: «концепты» (содержательные единицы) и «имена концептов» (их конвенционально обусловленные «этикетки»), и во-вторых, стремится узнать и запомнить используемые окружающими имена всех узнаваемых им вещей и имена их концептов. Об этом свидетельствует целый ряд исследований. Упомянем лишь некоторые из них.

В недавних исследованиях С. Ваксман и ее коллег [Waxman 2008; Ferry et al. 2010] (см. выше, п. 4) было показано, что, если младенцы в 3—4 месяца слышали фразы, обозначающие наблюдаемые ими объекты, то процесс формирования базовых концептов, определяющих эти объекты, ускорялся, а если они слышали звуковые тоновые последовательности, то нет. Это свидетельствует о том, что младенцы уже в возрасте 3-х месяцев по-разному истолковывают слова и тоны в отношении объектной категоризации (ясно, что младенец не понимал смысла звучащих фраз, но он уже воспринимал их как имена видимых им объектов). Естественно полагать, что это происходит потому, что ребенок а) уже «знает», что воспринимаемые им расплывчатые визуальные и акустические гештальты делятся на понятия (и их конкретные корреляты — объекты) и имена, б) умеет их различать и в) стремится сформировать номинативные тройки вида «имя — концепт — объект».

В другой серии экспериментов группа слышащих младенцев, родители которых были глухонемыми, подвергалась воздействию исключительно одного жестового языка. При этом младенцы достигали тех же промежуточных стадий **ручного** (жестового) **лепета** (но без применения голоса, поскольку они никогда не подвергались воздействию речи) и в то же самое время, что и слышащие дети, достигавшие аналогичных стадий вокального лепета [Petitto et al. 2001]. Таким образом, дети самого раннего возраста способны различать и усваивать как акустические, так и визуальные имена.

Еще одним важным свидетельством столь ранней способности ребенка к формированию номинативной функции являются фундаментальные результаты исследований Е.И. Исениной [1986] о целенаправленном использовании ребенком в самые первые месяцы жизни особого вокально-мимического и жестового «протоязыка» для общения с окружающими людьми. Именно способность к формированию номинативной и, шире, знаковой функции обеспечивает ребенку усвоение первых слов как имен его пока еще сверхгенерализованных концептов, причем, за несколько месяцев до первых попыток произнесения им этих слов, т. е. примерно до года.

Итак, способность младенца к формированию знаков, проявляющаяся в различении понятий и их имен и образовании пар вида «имя — понятие», относится к сугубо языковой сфере.

Условимся считать, что у младенца эта языковая (номинативная) способность объединяется с когнитивной способностью — процедурой Распознавания — в процедуру **Прямой Номинации**, которая выполняет две функции. По воспринятому имени строит знак: Имя — Концепт — Референт, т. е. определяет концепт и референт имени и «вычисляет», корректно ли в данной референтной ситуации осуществлена номинация (соответствуют ли свойства референта концепту). И обратно, данная процедура строит такой же знак по воспринятому объекту или действию (по их форме), т. е. определяет их концептуальную характеристику (принадлежность к конкретной категории) и имя. Поскольку референция основного значения не зависит от контекста фразы и референтной ситуации, эта процедура работает с отдельными знаменательными словами и отдельными предметами или действиями.

У ребенка работа этой процедуры проявляется совершенно отчетливо. Так, узнавая первые слова, он начинает без всякой коммуникативной цели называть ими попадающие в его поле зрения новые предметы. Слыша речения окружающих, он часто взглядом и действиями демонстрирует понимание их референций.

10.2. Усвоение производных значений. Усвоение более **содержательных** производных значений складывается совершенно иначе и не очень понятно, как именно.

Едва усвоив первоначальный набор слов конкретной лексики в их основных значениях, т. е. освоив процедуру Прямой Номинации, ребенок сталкивается с неожиданным для себя явлением: эта процедура в некоторых случаях «дает сбой». Окружающие его взрослые нередко называют известным ему словом другое явление, т. е. предмет или действие, заведомо не принадлежащее к классу основных референтов слова. Например, словом *печух* называют человека, фразой *Молоко убегает* называют вытекание из кастрюли вскипающего молока и пр. На первых порах ребенок негативно воспринимает «неправильные» номинации взрослых, ср.: «Особенно часто критикуют дети высказывания, в которых используются глаголы движения... в их производных значениях: „Молоко не может убежать, у НЕГО ЖЕ НЕТУ НОГ!“; „Дорога сбегает с горки. А что, разве у нее НОГИ есть?“» [Цейтлин 2000: 199—201], см. также [Елисеева 2008: 113—114].

Но через некоторое время ребенок каким-то непостижимым образом начинает понимать, что эти «неправильные» номинации правильны, но устроены по иному принципу. Более того, он и сам начинает употреблять известные ему слова в производных значениях. Происходит это примерно в два года (подробнее см. п. 12), когда у ребенка начинается «языковой взрыв».

Посмотрим, какие препятствия должен преодолеть двухлетний ребенок на пути к пониманию производных значений и их имен. Предположим, он услышал фразу гостя, обращенную к его старшему брату: *Ваня — маленькая обезьянка*. Во-первых, он должен понять, что в данном употреблении слова *обезьянка* не действует известный ему принцип номинации: имя называет свой референт через посредство основного значения. И поэтому услышанная им фраза не является некорректной. Во-вторых, он должен понять тот новый принцип номинации, какой здесь использован. А именно: что слово *обезьянка* называет лишь **отдельное свойство**

основного значения (базового концепта) ОБЕЗЬЯНА — ‘кривляется, передразнивает окружающих’, которое **приписывается человеку** — объекту, **задаваемому контекстом** фразы.

Но, допустим, что с пониманием метафоры ребенок еще как-то может справиться: здесь новый объект и известные ребенку референты связаны частичным сходством. Поэтому, когда ребенок научается делить прежде синкретичные концепты на отдельные свойства или части, т. е. научается видеть в целостном концепте составляющие его компоненты, он в принципе может обратить внимание на частичное сходство прежнего и нового референтов и догадаться, что в данном случае называется «чужой» референт, частично схожий с основными референтами слова. Но как понять метонимию, при которой никакого сходства между производным и основными референтами нет. Здесь требуется осуществлять уже проверку другого типа: образуют ли два концепта новое интегральное целое, или нет, т. е. проверять функциональную сочетаемость прежнего референта и смежного с ним нового. К примеру, ребенок услышал фразу матери: *Кастрюля кипит*. Чтобы понять ее, он должен догадаться, что имя *кастрюля* используется по-иному: оно называет кипящую воду, поскольку кастрюля участвует в кипячении воды. Как мы помним, слово в метонимическом значении называет другой объект (воду), который образует с основным референтом (кастрюля) интегральное целое (здесь — в рамках процесса кипячения воды).

Или, как понять синекдоху, при которой слово называет «чужой» объект, в котором основной референт составляет отдельную часть, и не любую, а такую, которая идентифицирует этот объект? Так, услышав фразу *Шляпа уставилась в телевизор*, ребенок должен понять, что слово *шляпа* называет человека в шляпе, причем шляпа является характерной частью, отличающей его от окружающих.

Заметим, что во всех этих случаях ребенок должен применять новый принцип лексической номинации, а в других номинациях использовать прежний принцип. Следует также иметь в виду, что в два года мыслительные способности ребенка находятся еще в зачаточном состоянии, а окружающие не могут ни объяснить новые номинации, ни остенсивно их определить, поскольку нельзя указать на отдельное свойство предмета или действия.

Но, что самое удивительное: вскоре ребенок начинает не только понимать, но и порождать фразы с производными значениями. А это, конечно же, гораздо сложнее, поскольку среди прочего, ребенок как-то должен понять, что существует только эти три типа производных значений¹⁴. Характерно, что данная речевая способность появляется примерно в одном и том же возрасте у всех детей, усваивающих родной язык и независимо от социальных и других факторов (этнической принадлежности, образа жизни, системы воспитания и пр.).

Сказанное дает основание полагать, что способность ребенка понимать и порождать производные значения предопределяется генетически обусловленным

¹⁴ По-видимому, они представляют собой языковую универсалию и присущи всем языкам мира.

этапом его развития. Условимся считать, что реализуется эта способность путем добавления к процедуре Прямой Номинации отдельной процедуры **Производной Номинации**, которая также складывается из двух процедур: когнитивной процедуры **Порождения Смысла** (она формирует дву- и более составные понятия) и языковой процедуры, воплощающей двусоставное понятие во фразу с производным значением (она использует описанные выше модели порождения метафорических, метонимических и синекдохических значений). Назовем результат объединения процедур Прямой и Производной Номинации процедурой **Номинации**. Ее главное назначение: определить, основное или производное значение имеет воспринятое знаменательное слово и к какому объекту-референту оно относится, или же установить, что слово употреблено семантически неправильно.

Работает процедура Номинации в соответствии с **Правилем идентификации типа значения**, см. п. 6. Сначала, как и раньше, слово анализируется процедурой Прямой Номинации. Если референт слова соответствует его основному значению, то строится классическая схема Слово — Концепт (основное значение) — Референт и работа процедуры заканчивается. Если же выясняется, что референт не соответствует концепту слова, то включается в работу процедура Производной Номинации, которая, переходит к анализу всей фразы и ее референтной ситуации, чтобы выяснить, имеет ли здесь место употребление слова в производном значении. Если анализ дает положительный результат, то строится тройка: Фраза (с данным словом) — Смысл (производное значение) — Референт. Полученная двухкомпонентная структура производного значения отражает семантический вклад в характеристику референта как слова, так и контекста фразы. Наконец, если результат оказывается отрицательным (слово не имеет производного значения), делается вывод о некорректном употреблении слова в воспринятой фразе.

Аналогичным образом осуществляется обратная операция: именование предмета или действия с заданной характеристикой. Если речь идет о концептуальной характеристике предмета, то процедура Прямой Номинации выбирает имя с соответствующим концептом. Когда же требуется охарактеризовать смысловую, косвенную характеристику предмета, учитывающую его относительные (ситуационные) свойства, то включается процедура Производной Номинации, чтобы построить фразу с производным значением, выражающим эту характеристику. Если такую фразу построить удастся, формируется тройка Фраза — Смысл (производное значение) — Референт, если нет, процедура Номинации дает отказ и описание предмета начинают формировать другие процедуры.

Подчеркнем, как и процедура Прямой Номинации, данная процедура объединяет сугубо когнитивную функцию — формирование дробной понятийной (смысловой) характеристики предмета или действия (процедура Порождения Смысла) и сугубо языковую функцию, отражающую принцип производной номинации — построение фразы, воплощающей своим производным значением данный смысл.

Еще один (этноспецифический) аспект работы процедуры Производной Номинации будет рассмотрен в п. 11.

10.3. «Виртуальность» производных значений. В естественном языке насчитывается две-три тысячи главных корней, а значит и основных значений (базовых концептов), или, как писал А. А. Реформатский «прямых значений производных слов» Они хранятся в памяти человека, и человек их все помнит постоянно. Но производных значений, которые в принципе можно породить из этих основных значений, неизмеримо больше. Запомнить их все невозможно, да и не нужно. Следует ли хранить в памяти и фиксировать в словаре метафорическое значение слова *зонтик* во фразе *Это зонтик*, сказанной двухлетней Жаклин Пиаже о расческе, которую она держала над головой? Несомненно, нет. В любой момент оно или подобное ему производное значение будет создано процедурой Производной Номинации. Итак, естественно полагать, что, в отличие от основных значений слов, постоянно хранящихся в памяти человека, производные значения в его памяти не хранятся (кроме самых частотных, запомнившихся произвольно), а порождаются всякий раз, когда в них возникает необходимость.

10.4. Семантический потенциал производных значений. Производные значения составляют основу лексико-семантического богатства языка. Они представляет собой языковое воплощение множества промежуточных, более частных, чем базовые концепты, понятий (смыслов), которые обеспечивают дискретность и детализированность человеческого представления окружающего мира.

Рассмотрим в качестве иллюстрации сказанного глагол *читать*. Его основное значение (концептуальное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ) можно описать так: ≈ ‘Человек воспринимает посредством глаз что-либо написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками, произнося вслух или воспроизводя про себя’, ср. [БТС: 1482]. Приведем теперь десять производных значений этого глагола, выражающих действия, сходные с концептуальным, но отличающиеся от него в нюансах.

- 1) *Актер читает стихи* (со сцены);
- 2) *Дирижер читает нотную партитуру оперы*;
- 3) *Профессор читает лекцию студентам* (по памяти);
- 4) *Мать читает сыну нотацию*;
- 5) *Она читает по губам*;
- 6) *Слепой читает руками*;
- 7) *Автомат читает рукописный текст*;
- 8) *Водитель читает дорогу* (предугадывает действия других водителей);
- 9) *Гадалка читает судьбу по ладони*;
- 10) *Она читает мои мысли*;

Во всех этих примерах агент совершает действие, отличное от целостного действия ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ, но сходное с ним по тому или иному компоненту. Поэтому во фразах 1)–10) глагол *читает* имеет производное значение. Процедура Производной Номинации обеспечила возможность поименовать все эти действия, не используя для этого новых слов.

Мы перечислили далеко не все даже типичные употребления, ср.: *читать между строк*, *читать чертежи*, *читать с листа* (играть по нотам сразу, без подготовки), *читать в чьем-то сердце*, *по-новому читать* (толковать) *Шекспира* и т. д.

Некоторые наиболее часто встречающиеся производные значения даны в словарной статье глагола *читать*. Другие там отсутствуют. Конечно, в словарную статью необходимо помещать типичные производные значения. Но, прежде всего, для эксплицитного представления этноспецифики «сцепления понятий» данного языка (см. п. 11), а не для того, чтобы их выучивать, как основные значения. Любое производное значение носитель языка способен сам и воспроизвести, и понять. Для этого он, однако, должен помнить основное значение. Если, скажем, реципиент услышал фразу *Бабушка взяла веретено и села за пряжу*, он может ее понять (в деталях), лишь при условии, что ему известно значение слова *веретено*. И тогда он сам может и породить и понять производные от него значения, к примеру, фразу: *Не крутись ты, веретено!*

Еще одна сфера применения производных значений — это научная терминология. К примеру, геометрические термины «прямая», «угол», «точка» и др. суть производные значения от общежитейских толкований этих слов. Ср. известные рассуждения Л. В. Щербы о различии геометрического определения прямой линии как «кратчайшего расстояния между двумя точками» и ее «бытовой» трактовки как линии, которая «не уклоняется ни вправо, ни влево...» Понятно, что данная трактовка и послужила концептуальной базой для геометрического термина «прямая».

11. Феномен этноспецифичности производных значений. Вернемся к анализу способности ребенка порождать фразы с производными значениями. Как мы отмечали, ребенок не только начинает понимать производные значения услышанных слов (фраз), но вскоре и сам начинает употреблять слова в производных значениях, причем в таких, которые раньше никогда не слышал. И употребляет он их в полном соответствии с языковой интуицией окружающих.

Этот феномен тоже требует объяснения. Ведь, в отличие от основных, производные значения лингвоспецифичны. От одного и того же основного значения в русском языке порождаются одни производные значения, в английском языке — другие, а в немецком — третьи.

Более 200 лет назад А. С. Шишков в своей книге «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка», описывая расхождение производных значений русского слова *свет* и его французского синонима *lumière*, прозорливо объяснил причину этого расхождения: «сцепление понятий у каждого народа делается своим особливим образом» [Шишков 1803/2010: 35—36].

Но что такое этноспецифическое «сцепление понятий»? Разумно предположить, что это специфический, присущий данному этносу взгляд на окружающий мир — коллективные этнические представления о действительности, содержащиеся среди прочего общие правила, касающиеся того, какие явления и по каким свойствам уподобляются друг другу, а какие нет (как писал В. В. Виноградов, произ-

водные значения «слиты со спецификой данного конкретного языка» и являются продуктами «национального творчества данного народа», ср. также мысль В. Гумбольдта: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт 1956: 71].)

Из сказанного следует неизбежный вывод: ребенок не только усваивает какой-то начальный набор производных значений. Он также усваивает всю систему «сцепления понятий», свойственную его родному языку. Иначе говоря, активизирующаяся у ребенка процедура Производной Номинации уже на начальном этапе своей работы **настраивается** на этноспецифическую картину мира, которая в какой-то мере уже сформировалась у ребенка к этому моменту. Важная дополнительная информация для настройки этой процедуры поступает от разбора ею первых производных значений, воспринимаемых ребенком.

Если задаться вопросом: в какой форме может храниться этноспецифическая информация для порождения производных значений, то ответ на него может быть такой. Это, условно говоря, Матрица Основных Значений (базовых концептов), в каждой ячейке которой, наряду с целостным базовым концептом, его именем и запомнившимися человеку референтами, хранятся (постепенно скапливаются) его (базового концепта) наиболее типичные, характерные компоненты и части. К примеру, для русскоязычной картины мира концепт ОБЕЗЬЯНА имеет такие характерные свойства (см. п. 5): 1) ‘кривляется и передразнивает окружающих’, 2) ‘Очень некрасива (уродлива)’, 3) ‘Неуправляема и непредсказуема в своих действиях’ и т. д. В английском языке первое свойство остается, но второе помещается уже в ячейку СОБАКА. В немецком языке у концепта ОБЕЗЬЯНА несколько иные характерные свойства: ‘Импульсивное, бесшабашное поведение’ и др.

Предположим теперь, что требуется породить русскоязычную фразу с производным значением, воплощающим понятие ‘уродливый человек’. В соответствии с алгоритмом (см. п. 2. **Метафора**) процедура Номинации сначала ищет в Матрице Основных Значений, значение, содержащее в качестве типичного компонента свойство ‘уродливость’. Это — ОБЕЗЬЯНА. А затем составляет фразу со словом *обезьяна* и с контекстом, который а) указывает на характеризуемого человека и б) сообщает, какое именно свойство своего основного значения слова *обезьяна* приписывает этому человеку (производному референту). К примеру, такую фразу: *Если бы ты видела ее мужа! Он настоящая обезьяна.*

Если, допустим, понятие ‘уродливый человек’ требуется закодировать английской фразой с производным значением, то в соответствии с данным алгоритмом выбирается значение DOG и порождается фраза *He is a real dog (*monkey)* (*Он настоящая собака!*).

12. Лексическая многозначность и ее когнитивные истоки. У человеческого языка есть одно удивительное свойство — лексическая многозначность. Это свойство относится к числу семантических универсалий. Оно присуще лексике всех известных языков. Однако причины существования многозначности неясны.

Проведенные выше рассуждения дают основания для следующей гипотезы.

Формирующаяся у ребенка (в процессе его когнитивного развития) совокупность базовых концептов отражает **концептуальное представление** окружающего мира. В нем элементарными единицами выступают **целостные поименованные концепты** и их референты: реальные предметы, живые существа, качества и действия [Кошелев 2009]. Между тем человеку свойственно также более дробное, **дискретное** или **смысловое представление** этого же мира. Оно начинает формироваться у ребенка примерно в возрасте двух лет. В это время у него **скачкообразно** возникают две новые способности. Во-первых, в его когнитивном развитии происходит очередной (и революционный) шаг: у него появляется способность делить свои прежде целостные базовые концепты на отдельные компоненты и части, гораздо более мелкие и многочисленные, чем концепты. Во-вторых, у него появляется способность мысленно манипулировать этими дробными компонентами как самостоятельными когнитивными единицами и объединять их как друг с другом, так и с целостными концептами в новые интегральные объекты (композиционные представления) [Кошелев 2008а: 225—228], создавая тем самым «ментальные» объекты, действия и качества, которых нет в непосредственно воспринимаемом реальном мире. В частности, ребенок теперь способен сам строить двухкомпонентные понятия (смыслы), воплощаемые затем в производные значения (об эволюционной версии этой гипотезы см. [Кошелев 2011: 162 и сл.]). Этот когнитивный скачок в развитии ребенка мы выше представили появлением у него процедуры Порождения Смысла.

Но здесь и коренится для ребенка главная опасность: он имеет все шансы утратить возникшее было (с усвоением базовых концептов) взаимопонимание с окружающими людьми, поскольку у него нет языковых средств для речевого описания огромного числа формируемых им новых понятий. Понятно, что никаких новых слов не хватит для их именованья. Эту проблему решает новый (фразовый) принцип номинации этих понятий, которым ребенок в это же время овладевает. Кроме того, ребенку необходимо стремиться к формированию общего с его социумом взгляда на окружающий мир. Следовательно, в его памяти должны возникать прежде всего не произвольные, а этноспецифичные двухкомпонентные понятия, отражающие коллективные представления его социума о близости разных категорий, иначе говоря, о сцеплении различных понятий. Указанную проблему решают этноспецифические производные значения, которые ребенок также усваивает в это время. Данный языковой скачок в развитии ребенка мы выше представили появлением у него процедуры Номинации. Направляемая родным языком ребенка (воспринимаемыми им производными значениями) и присущей этому языку схемой сцепления понятий (Матрицей Основных Значений), эта процедура обеспечивает формирование и речевое воплощение производных значений (метафор, метонимий и синекдох). (Аргументируя ниже изложенную гипотезу, мы, в частности, покажем, что примерно в два года ребенок одновременно начинает а) дифференцировать окружающие его предметы на части и б) порождать все виды производных значений.)

Итак, согласно нашей точке зрения, лексическая многозначность обусловлена наличием в человеческой картине мира, наряду с концептуальным, еще одного, смыслового уровня. Такое качественное усложнение картины мира открывает человеку огромные возможности в осмыслении и интерпретации воспринимаемых явлений, в построении более сложных умозаключений и планов. Тем самым человек начинает гораздо глубже понимать окружающий мир, а значит, и видеть возможности для более содержательного взаимодействия с ним. Есть основания считать такое **концептуально-смысловое представление действительности является видоспецифической характеристикой человека**. Если это так, то универсальность полисемии обусловлена универсальностью концептуально-смыслового представления мира.

Аргументация гипотезы о когнитивных истоках полисемии. Для аргументации изложенной гипотезы обратимся к закономерностям когнитивного и языкового развития ребенка. Покажем, что в этом развитии отчетливо прослеживается одновременное формирование а) дискретного представления мира и б) производных значений.

Согласно ряду когнитивных данных, к полутора годам у ребенка формируется концептуальное представление окружающего мира. В период от полутора до примерно двух лет ребенок в своей речи использует однозначную концептуальную лексику и особый синтаксис — не конвенциональный, присущий родному языку ребенка, а универсальный, или естественный:

Ребенок использует язык в его наиболее универсальном и истинно человеческом смысле уже на стадии двусловных предложений (...) основные функции (просьба, вопрос, отрицание, описание событий и др. — *А. К.*) обеспечиваются двусловными предложениями в речи детей *на различных языках* (включая самоа, а также луо — один из языков Кении. — *А. К.*). Межязыковое сходство здесь просто поразительно» [Слобин 1976: 93—94; курсив мой].

Детские сочетания из двух слов так похожи по значению везде в мире, что кажутся переводом друг друга. Дети объявляют, когда предметы появляются, исчезают, перемещаются; указывают на свойства предметов и на их владельцев; комментируют, что люди делают с вещами, и сообщают об увиденной вещи, отрицают существование предметов и действий или спрашивают о них и задают о них вопросы, начинающиеся со слов «кто, что, где» [Пинкер 2004: 255]¹⁵.

Аналогичные выводы следуют из анализа структуры двусловных высказываний русских детей ([Цейтлин 2009: 105—113]).

Появление многозначности. В возрасте около двух лет наступает языковой и, в частности, лексический «взрыв» [Пинкер 2004: 255—256; Кошелев 2008а: 221—224], обеспечивающий лавинообразное развитие детского языка. В это же время детские слова становятся многозначными. Начинают встречаться «сознательные преднамеренные переименования»: двухлетняя Ася П. называ-

¹⁵ См. также [Clark 2009: 157—160].

ет вязаную шапочку на голове матери *грибом*, Аня (1 год и 9 месяцев), положив на цветок календулы на голову, говорит: *У Ани зонтик*. Аналогичен упоминавшийся пример с дочерью Жана Пиаже Жаклин (2 года и 3 месяца), которая, держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик* [Елисеева 2008: 84, 86 и сл.]. Подчеркнем: это не свергенерализации, а производные значения. Ребенок хорошо знает слова *шапка, цветок, расческа*, которые (в их основных значениях) нужно здесь использовать. В это же время (после двух лет) наблюдается «образование окказиональных переносных, метонимических и метафорических сравнений»:

Сравнения: Кот недовольно мяукнул. *Чирикнул он, как воробышек*; **метонимии:** *Настоящие коробочки получились* — о куличах, сделанных с помощью коробочки изпод масла; **метафоры:** Ребенок надел пустую головку от мака на пальчик: *Это наперсток*» [Там же: 115]¹⁶.

Эти и другие данные дают основание предполагать, что до двухлетнего возраста дети говорят на особом концептуальном языке, описывая на нем свое концептуальное (и универсальное) представление мира, ср. также: «В целом, как нам представляется, можно говорить о некоем „детском“ варианте языка», когда «языковая система ребенка анализируется „сама по себе“ — как отражающая достигнутый к определенному моменту уровень когнитивного развития ребенка и способная удовлетворять его насущные коммуникативные потребности» [Цейтлин 2004: 277—278].

Появление дифференциации. Примерно в то же время (с двухлетнего возраста) дети начинают членить базовые концепты на отдельные части. Ср.:

В конце второго — начале третьего года жизни ребенок начинает выделять отдельные элементы, детали в объектах. Например, дети в возрасте 1 год 10 месяцев — 2 лет уже пытаются сорвать цветок, схватывая его за стебелек, берут крышку сахарницы за шишечку, а не всю ее и т. д. [Кольцова 1980: 37].

В этот период ребенок уже «просит называть предмет и его части: Женя И. (двух лет) хлопает рукой по сиденью трактора, смотрит на мать, вокализует и не успокаивается, пока мать не назовет части трактора (руль, сиденье и др.)» [Исенина 1986: 54].

Дети в возрасте до двух-трех лет усваивают... конструкции со значением «часть — целое» [Цейтлин 2000: 135].

Итак, возникновение у ребенка дифференцированного и системного (концептуально-смыслового) представления мира с неизбежностью влечет за собой полисемию — формирование у его однозначных слов производных значений.

Приложение. Иллюстрация синонимичности основных значений глаголов *идти* и *to walk*, а также *бежать* и *to run* (толкования из словарей Ушакова, Даля и Хорнби (Hornby)).

Ушаков: «ИДТИ. 1. Двигаться, перемещаться, ступая, делая шаги (о человеке и животном). — *Идти по дороге*. ... БЕЖАТЬ 1. Быстро передвигаться, сильными толчками ног отделяясь от земли. *Лошадь бежала рысью*».

Даль: «ИДТИ — шагать, подвигаться шагом, двигаться с места переступая. БЕЖАТЬ 1. Подвигаться ускоренным шагом, учащенной перестановкою ног».

¹⁶ См. также [Цейтлин 2009: 198—203].

Hornby: WALK 1. (of persons) move to putting forward each foot in turn, not having both feet off the ground at once; (of animals) move at the slowest pace. RUN 1. (of men and animals) move with quick steps, faster than walking.

* * *

Выражаю глубокую благодарность И. М. Богуславскому, С. А. Жигалкину, Л. Л. Иомдину, Л. П. Крысину, Джою Пешиа и С. Н. Цейтлин за ценные замечания.

А. Д. Кошелев

Издательство «Языки славянских культур», Москва

koshelev47@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
- Словарь Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М., 1882.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4. 2-е изд., испр. и доп. М.: АН СССР, 1981—1984.
- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1938.
- Hornby A. S.* (with *A. P. Cowie*). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Vol. 1, 2. Oxford Univ. Press, 1980.
- Апресян 1974/1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974. 2-е изд., факс.: Избранные труды. Т. 1. М., 1995.
- Арутюнова 1979 — *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М. 1979. С. 147—173.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.
- Гумбольдт 1956 — *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: (Извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Елисеева 2008 — *Елисеева М. Б.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.
- Иорданская, Мельчук 2007 — *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Исенина 1986 — *Исенина Е. И.* Дословный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Кольцова 1980 — *Кольцова М. М.* Развитие сигнальных систем действительности у детей. Л., 1980.
- Кошелев — Мельчук 1996 — Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 195—197 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).

- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* О классификации и эволюционной динамике лингвистических теорий // *Динамические модели: Слово. Текст. Предложение: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой.* М., 2008. С. 398—438. <http://www.lrc-press.ru/05.htm>.
- Кошелев 2008а — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка.* М., 2008. С. 193—230. <http://www.lrc-press.ru/05.htm>.
- Кошелев 2009 — *Кошелев А. Д.* О когнитивных факторах развития детской речи // *Проблемы онтолингвистики — 2009: Мат-лы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., Санкт-Петербург).* СПб., 2009. С. 54—61.
- Кошелев 2011 — *Кошелев А. Д.* О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты) // *Дифференционно-интеграционная теория развития.* М. 2011. С. 155—182.
- Курилович 1955 — *Курилович Е.* Заметки о значении слова // *Вопр. языкознания.* 1955. № 3. С. 73—81.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Леви-Брюль 1999 — *Леви-Брюль К.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
- Пинкер 2004 — *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
- Пинкер, Джакендофф 2008 — *Пинкер С., Джакендофф Р.* Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка.* М., 2008. С. 261—292.
- Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1996.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шишков 1803/2010 — *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803; 2-е изд., испр.: М., 2010.
- Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Штерн 1915 — *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1915.
- Языковая номинация — *Языковая номинация.* Кн. 1—2 / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1977.
- Brugman, Lakoff 1988 — *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive topology and lexical networks // Small S. L., Cottrell G. W., Tanenhaus M. K., eds. *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence.* San Mateo, CA, 1988. P. 477—508.
- Clark 2009 — *Clark E. V.* *First Language Acquisition.* 2nd ed. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Ferry et al. 2010 — *Ferry A., Hespos S. J., Waxman S.* Language facilitates category formation in 3-month-old infants // *Child Development.* 2010, 81(2). P. 472—479.
- Golinkoff et al. 2002 — *Golinkoff R. M., Chung H. L., Hirsh-Pasek K., Liu J., Bertenthal B. I., Brand R., Maguire M. J., Hennon E.* Young children can extend motion verbs to point-light displays // *Developmental Psychology.* 2002, 38(4), July. P. 604—614.
- Hauser 2000 — *Hauser M. D.* *Wild Minds: What animals really think.* N. Y.: Henry Holt, 2000.
- Hauser, Chomsky, Fitch 2002 — *Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science.* 2002, 298. P. 1569—1579.

- Jakobson 1936 — *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre (Gesamtbedeutungen der russischen Kasus) // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. 1936, 6. S. 240—288.
- Kuryłowicz 1935 — *Kuryłowicz J.* Éduites indo-européennes. I. Kraków. 1935
- Markson, Diesendruck, Bloom 2008 — *Markson L., Diesendruck G., Bloom P.* The shape of thought // *Developmental Science*. 2008, 11(2). P. 204—208.
- Mervis 1987 — *Mervis C. B.* Child-Basic Object Categories and Early Lexical Development // Neisser U. (ed.). *Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Norvig, Lakoff 1987 — *Norvig P., Lakoff G.* Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS, 1987. P. 195—206.
- Pereira, Smith 2009 — *Pereira A. F., Smith L. B.* Developmental changes in visual object recognition between 18 and 24 months of age // *Developmental Science*. 2009, 12(1). P. 67—80.
- Petitto et al. 2001 — *Petitto L. A., Katerelos M., Levy B., Gauna K., Tétrault K., Ferraro V.* Bilingual signed and spoken language acquisition from birth: implications for the mechanisms underlying early bilingual language acquisition // *Journal of Child Language*. 2001, 28. P. 1—44.
- Pinker 2007 — *Pinker S.* *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. Penguin Press Science, 2007.
- Rakison 2000 — *Rakison D. H.* When a Rose Is Just a Rose: The Illusion of Taxonomies in Infant Categorization // *Infancy*. 2000, 1(1). P. 77—90.
- Rosch et al. 1976 — *Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D., Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976, 8. P. 491—502.
- Santos et al. 2002 — *Santos L. R., Sulkowski G. M., Spaepen G. V., Hauser M. D.* Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*) // *Cognition*. 2002, 83. P. 241—264.
- Talmy 1985 — *Talmy L.* Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Shopen T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 57—149.
- Waxman 2008 — *Waxman S. R.* All in Good Time: How do Infants Discover Distinct Types of Words and Map Them to Distinct Kinds of Meaning? // Colombo J., McCardle P. & Freund L. (eds). *Infant Pathways to Language: Methods, Models, and Research Directions*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 2008. P. 99—118.
- Xu 2007 — *Xu F.* Concept Formation and Language Development: Count Nouns and Object Kinds // G. Gaskell (ed.). *Oxford Handbook of Psycholinguistics*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 617—626.

СЛОВО И ЯЗЫК

Сб. статей к восьмидесятилетию
акад. Ю. Д. Апресяна

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 03.06.2011. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 59,34. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ государственной регистрации 1037789030641.
Тел.: 95-952-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>